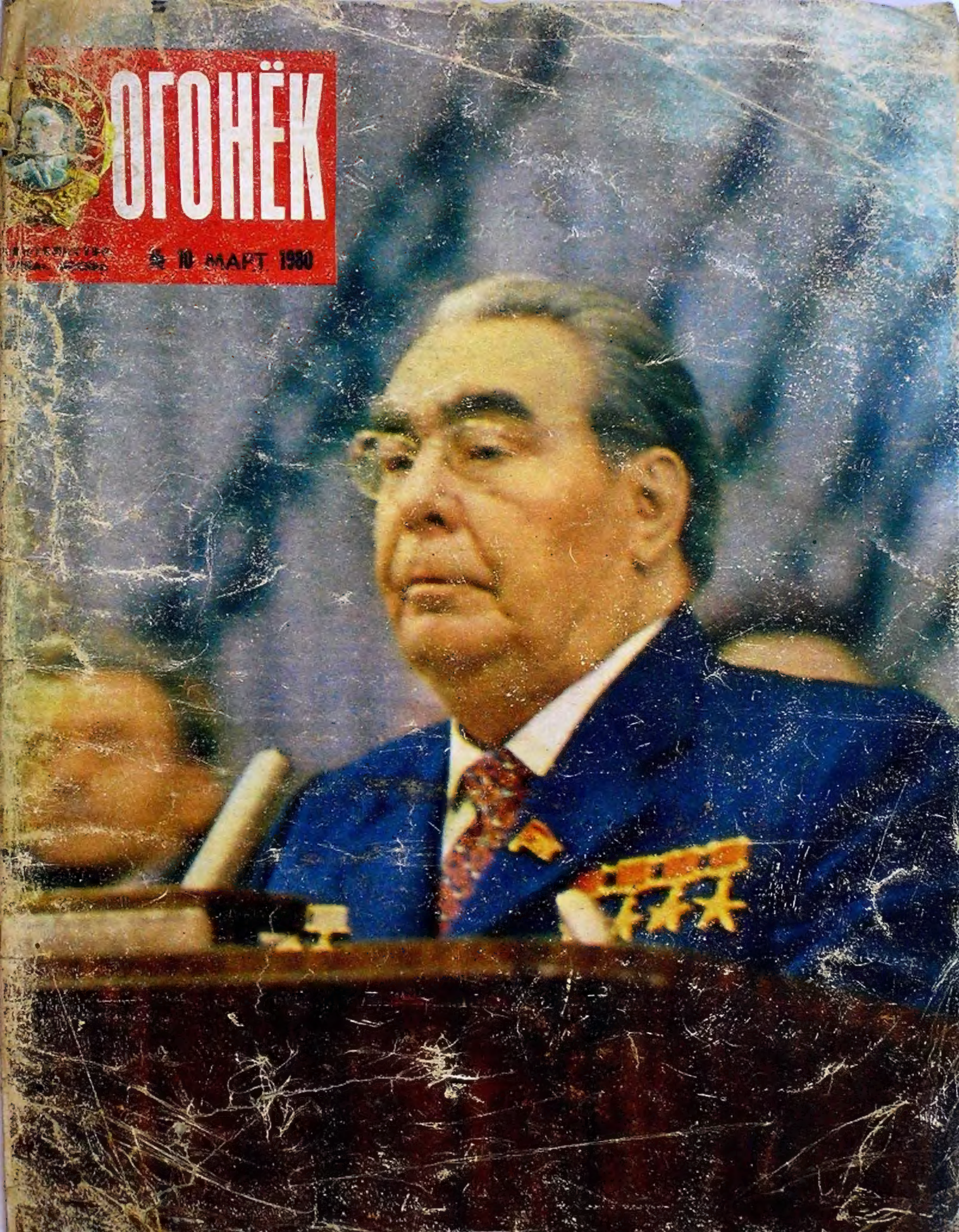

ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1980

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 10 (2747)

1 МАРТА 1980

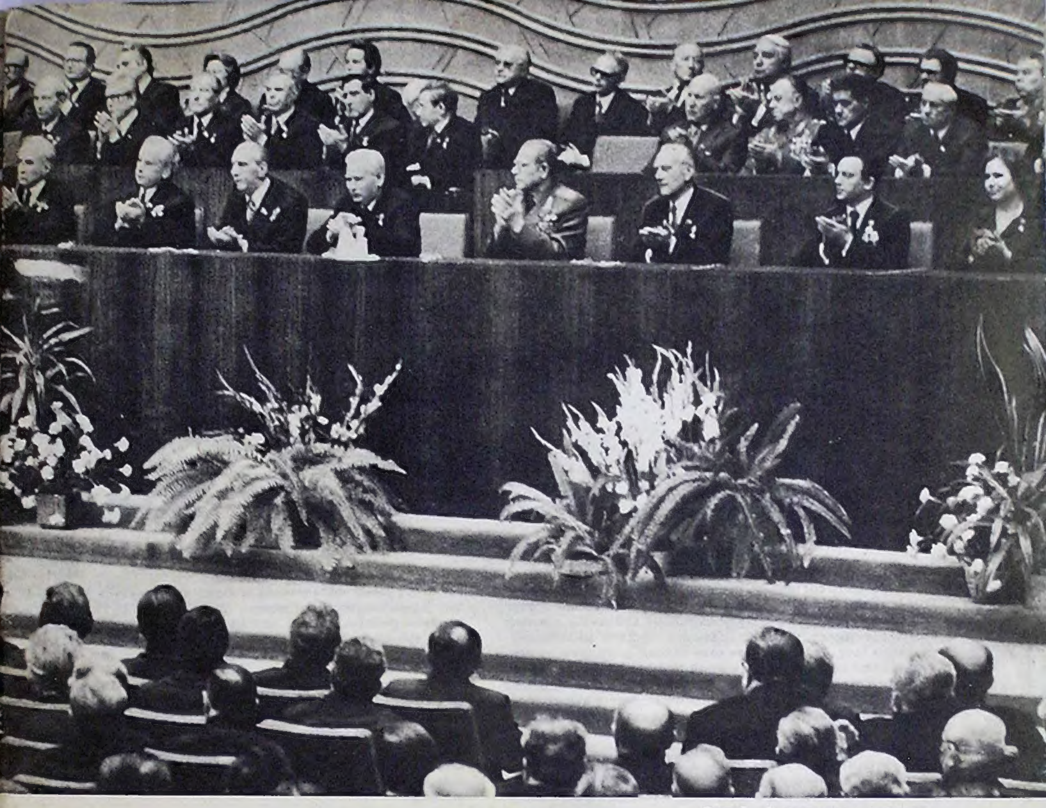

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ЗА РОДИНУ, ЗА ПАРТИЮ, ЗА КОММУНИЗМ

Наш курс, как и прежде,— это курс мирного созидания, дальнейшего преобразования необъятных просторов страны, преумножения материальных и духовных богатств советского народа. И никому нас с этого курса не свернуть!

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из речи на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы.

Москва. 22 февраля. Кремлевский Дворец съездов. Встреча избирателей Бауманского избирательного округа столицы с кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР — Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Леонидом Ильичом Брежневым.

Речь товарища Л. И. Брежнева, которую участники предвыборного собрания слушали с огромным вниманием и неоднократно прерывали продолжительными аплодисментами, транслировалась по Центральному телевидению, по всем радиостанциям Советского Союза, по программам «Орбита» и «Восток». С помощью системы «Интервидения» передачу о собрании избирателей смотрели в братских социалистических странах. Телевизионную информацию о предвыборной встрече с Л. И. Брежневым по системе «Евровидения» получили также в ряде стран Западной Европы.

Встреча избирателей с товарищем Л. И. Брежневым вновь убедительно подтвердила нерушимое единство блока коммунистов и беспартийных. Она стала свидетельством горячей поддержки советским народом мудрой ленинской политики нашей Коммунистической партии.

Москва. 24 февраля. Выборы в Верховный Совет РСФСР. Товарищи Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин на избирательных участках.
Фото А. Гостева и В. Кошевого (ТАСС)

24 февраля состоялись выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик, в местные Советы народных депутатов. Выборы стали большим событием в жизни всего советского народа. Граждане нашего многонационального государства отдали свои голоса за Родину, за партию, за коммунизм. В Российской Федерации уже к 12 часам дня проголосовало 84,88 процента избирателей, а к 18 часам — 99,26 процента. Это свидетельствует о высокой активности избирателей, отдавших свои голоса за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных.

Выборы, проходившие в обстановке большого политического подъема, проводились в знаменательное время. Скоро наша страна и все прогрессивное человечество будут отмечать 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина. В трудовых коллективах широко откликнулись на призыв Коммунистической партии превратить 1980 год в год ударной работы, работы по-ленински. В этот год советские люди вышли на завершающие рубежи десятой пятилетки и настойчиво борются за успешную реализацию обязательств, принятых трудовыми коллективами.

Советские люди единодушно голосовали за миролюбивый созидательный курс ленинской партии. Народы Страны Советов безгранично доверяют Коммунистической партии, единодушно поддерживают ее внутреннюю и внешнюю политику, полны решимости и впредь самоотверженно трудиться во имя достижения поставленных ею вдохновляющих целей на пути строительства коммунистического общества.

Прием тов. Л. И. Брежневым тов. Л. Цинеге

26 февраля Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле министра обороны Венгерской Народной Республики Лайоша Цинеге.

В ходе беседы, отличавшейся полным единством взглядов, затрагивались вопросы многообразного советско-венгерского сотрудничества и складывающейся международной обстановки.

В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов.

26 февраля в Кремле Л. И. Брежнев вручил товарищу Л. Цинеге орден Октябрьской Революции.

Выступив при вручении награды, Л. И. Брежнев отметил, что Варшавский Договор уже почти четверть века служит тому, чтобы сберечь и упрочить мир на земле.

С ответным словом выступил товарищ Л. Цинеге.

При вручении награды присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов и другие официальные лица.

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

МЕЛОДИИ ДРУЖБЫ

Дни культуры Чехословацкой Социалистической Республики в Советском Союзе торжественно открылись 25 февраля в Кремлевском Дворце съездов. На вечере присутствовали товарищи В. В. Гришин, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, М. В. Зимянин, глава прибывшей для участия в празднике официальной делегации ЧССР секретарь ЦК КПЧ Йозеф Гавлин, посол ЧССР в СССР Ч. Ловетинский.

Мелодии дружбы прозвучат в эти дни во многих городах союзных и автономных республик. Крупнейшие художественные коллективы, солисты-инструменталисты, вокалисты, а также писатели, композиторы, художники, архитекторы, кинематографисты покажут лучшее, что создано мастерами чешского и словацкого искусства.

Национальный театр из Братиславы познакомит москвичей и киевлян с малоизвестной советским зрителям оперой «Крутнява» Э. Сухоня и оперой Л. Яначека «Средство Макропулоса». Концерты симфонического оркестра Чешской филармонии состоятся в Москве и Ленинграде. Чехословацкий государственный ансамбль песни и танца имени Неедлы выступит перед жителями Киева, Кишинева, Одессы и Москвы, «Карманный театр» — во Владимире и Иванове, кукольный театр «Дракон» — в Москве и Рязани, артисты из города Зволена — на сцене Тульского драматического имени М. Горького, с которым их связывают узы творческой дружбы. А любители эстрады встретятся с К. Готтом, Г. Вондрачковой, М. Лайферовой, Г. Загоровой и другими популярными исполнителями.

Москвичей и ленинградцев приглашают чехословацкие художественные и книжные выставки. Фестиваль лучших фильмов ЧССР пройдет в Москве, Ереване и Таллине.

Праздник дружбы — Дни культуры ЧССР в нашей стране — посвящен 35-й годовщине освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков.

Кремлевский Дворец съездов. Открытие Дней культуры ЧССР.
Фото В. ВЕЛИКЖАНИНА (ТАСС)

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

УСЛОВИЯ ДИКТУЕТ АГРЕССОР

Леонид КОРЯВИН

В Каире много говорят о так называемой «нормализации» отношений с Израилем и совсем умалчивают о собственной капитуляции перед агрессором. Взаимное дипломатическое признание, появление в египетской столице израильских газет (и одновременно закрытие по распоряжению властей двух египетских прогрессивных изданий), открытие границ, установление транспортного сообщения, телефонной и телеграфной связи между двумя государствами — все это широковещательно выдается за «нормализацию», за мнимый «мир», который якобы пришел в ближневосточный регион.

Но так ли это? Обратимся к фактам, и они со всей убедительностью опровергнут лживые утверждения египетской и империалистической пропаганды, еще раз подтвердят, что кэмп-дэвидская сепаратная сделка не только не принесла мир Ближнему Востоку, а, наоборот, усугубила там и без того взрывоопасную обстановку, заложила новые опасные мины замедленного действия.

Когда над израильским посольством в Каире взвился бело-голубой флаг со звездой Давида, каирцы обратили внимание на другое здание, расположенное в самом центре египетской столицы на берегу Нила. Совсем недавно в нем находилась Лига арабских государств. Сегодня здание выглядит опустевшим, флагштоки перед ним стоят оголенные. Как известно, штаб-квартира лиги из-за капитулянтского курса Египта была переведена в Тунис. Так Садат обменял доверие арабского мира на израильский флаг, который подняли над посольством в Каире, напоминающим не дипломатическое представительство, а, скорее, комендатуру оккупационных властей. Как указывают политические наблюдатели, так называемая «нормализация» — это уже даже не акт капитуляции, а прямая политическая и моральная оккупация Израилем Египта.

Агрессор продиктовал фактически условия жертве агрессии. В стратегическом отношении Тель-Авив, несмотря на то, что швырнул Каиру горсть синайского песка, сохранил за собой преимущество, а следовательно, и потенциальную возможность оказывать постоянное военное давление на Египет. Известно, что еще свыше двух лет примерно треть Синайского полуострова будет находиться под израильским сапогом. Но даже по истечении этого срока египетский суверенитет над Синаем останется ограниченным.

Кэмп-дэвидская сделка и следовавшие вслед за ней все театрализованные представления с «нормализацией» израильско-египетских отношений еще больше развязали руки агрессорам из Тель-Авива. Не случайно израильские орудия, нацеленные на Ливан, заглушают диалоги дипломатов о мнимом установлении «мира» и «спокойствия» в ближневосточном регионе. Когда Садат ведет демагогические разговоры о так называемой «палестинской автономии», израильские «фантомы» обрушивают свой смертоносный груз на лагеря палестинских беженцев, убивают женщин, стариков, детей.

Именно с благословения США, при прямом капитулянтстве Египта израильские экстремисты держат открытым фронт против арабских народов на границах Ливана. Здесь они создали военный плацдарм, с которого угрожают как Ливану и палестинцам, так и Сирии. Здесь они открыли полигон, где испытывают американское оружие и демонстрируют, что агрессия и экспансия по-прежнему остаются главным курсом израильского государства.

Важно отметить, что события, происходящие на Ближнем Востоке, тесно связаны с глобальными гегемонистскими планами американского империализма. Явившись соучастником кэмп-дэвидской сделки, Вашингтон заботится прежде всего об упрочении своих позиций, и главным образом военных позиций в богатых нефтью районах Ближнего и Среднего Востока. И Израиль и Египет должны стать, по замыслам вашингтонских правителей, своеобразными «плацдармами передового базирования» для осуществления стратегических целей американского империализма в этих регионах. Оттуда должны взлетать, как указал недавно американский журнал «Ньюсуик», «фантомы», нацелившись на Иран и другие страны, охваченные национально-освободительными процессами, на страны, где проводится твердая политика использовать собственные природные богатства в национальных интересах. Создание военных баз на территории Египта и Израиля Соединенные Штаты связывают с усилением своих военно-морских сил в Персидском заливе, с развертыванием корпуса быстрого реагирования. Кроме того, в Вашингтоне планируют также использовать израильские и египетские вооруженные силы для борьбы против национально-освободительных движений народов Ближнего и Среднего Востока, народов Африки.

Западная печать, а вместе с ней и садатовские печатные органы пытаются представить дело так, будто после Кэмп-Дэвида вообще уже «не существует арабско-израильского конфликта» и напряженность положения на Ближнем и Среднем Востоке не результат агрессивных устремлений Тель-Авива, а, видите ли, событий в... Иране и Афганистане. Этой дымовой завесой лжи Вашингтон и Тель-Авив пытаются увести народы этого региона от их главной цели — борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии, борьбы против коварных происков империализма.

Но арабские и другие народы решительно отвергают политику империализма и сионизма, капитулянтский курс Садата. Они с гневом осуждают так называемую «нормализацию» отношений между Каиром и Тель-Авивом, указывая на ее антиарабский, реакционный характер. Подлинный мир на Ближнем Востоке может наступить после того, как израильские войска будут выведены со всех оккупированных арабских территорий и будут удовлетворены права арабского народа Палестины.

В сборочном цехе.

Часы «Слава» знают во всем мире.

Часы: старые — 1935 год (в центре) и современные.

На днях ЦК КПСС, Совет Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ назвали победителей Всесоюзного социалистического соревнования за прошлый год. В их числе и около ста коллективов объединений, предприятий, организаций и учреждений Москвы.

ЦК КПСС, Совет Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, поздравляя победителей Всесоюзного социалистического соревнования, выразили твердую уверенность, что коллективы трудящихся еще выше поднимут знамя всенародного социалистического соревнования, приложат все силы, знания и опыт, чтобы встретить 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина новыми трудовыми достижениями, успешно выполнить планы и обязательства на 1980 год и задания десятой пятилетки.

Среди коллективов, награжденных переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, с занесением на Всесоюзную Доску почета на ВДНХ СССР,— коллектив 2-го Московского ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени часового завода. Наши корреспонденты ведут репортаж с этого предприятия.

Ю. КОЗЛОВ,

фото А. БОЧИНИНА

...В просторных цехах часового завода световые часы отсчитывают минуты: до обеденного перерыва, до начала производственной гимнастики, до конца смены. Время работает. Здесь особенно ощущаются его ритм и энергия. Каждый день на заводе собирают около тридцати трех тысяч всевозможных часов марки «Слава». Мужских, женских, будильников. Механических, кварцевых, электронных... В год — около девяти миллионов. Время здесь словно обретает материальное воплощение.

Вот оно — в тонких руках сборщицы, склоняющейся над микроскопом. С ювелирной точностью складывает она из микронных деталей узел будущего механизма.

Вот оно — в изящных, стремительных формах новых моделей, в сверкающих браслетах, в прыгающих цифрах на электронных циферблатах. Даже комсомольская стенная газета здесь называется «Хронос» — время.

Время имеет память. Если прокрутить стрелки нынешних сверхсовременных — их покупают семьдесят стран! — часов на пятьдесят шесть лет назад, то на месте, где сейчас возвышаются корпуса Второго московского часового завода, окажутся полукустарные механические мастерские. На их базе в 1924 году был создан Московский электромеханический завод, который и начал выпускать первые советские часы. Об индивидуальных часах для каждого человека в те годы не мечтали. Завод выпускал часы так называемого «коллективного пользования» — электромеханические уличные, а несколько позже — будильники и возвращающиеся в моду настенные ходики с гирями.

«Время работает на нас!» — говорят на заводе. Иногда по-другому: «Мы делаем время!». Думается, каждое из этих утверждений справедливо. Время работает на тех, кто его делает. Своими руками, своим умом. Путь от ходиков с гирями до девяти миллионов всевозможных часов в год — прямое тому подтверждение.

Историю своего завода здесь знают и дорожат ею. Создан специальный музей. Но наш рассказ о сегодняшнем дне завода, о тех, кто «делает время» сейчас, в 1980-м, на рубеже двух пятилеток.

Прошлый год вошел в историю Второго часового как год ударного труда. Завод успешно выполнил государственный план и принятые обязательства по всем технико-экономическим показателям. Сверхплановой продукции было выпущено на 500 тысяч рублей, часов с олимпийской символикой — на 18 миллионов рублей, тридцать семь процентов всей продукции аттестовано Знаком качества.

О задачах, которые предстоит решить коллективу в нынешнем году, говорил на митинге по случаю вручения знамени в Колонном зале Дома Союзов директор завода Дмитрий Алексеевич Парамонов. Задачи, действительно, серьезные. Предстоит освоить производственные площади нового корпуса. Туда переместят более двух тысяч единиц действующего оборудования! Снова взяты повышенные социалистические обязательства. В день Ленинского коммунистического субботника, например, на заво-

ВРЕМЯ РА

Две сборщицы: мастер Н. Мягкова [слева] и Н. Ксенофонтова.

де собираются изготовить 35 тысяч штук часов — на две тысячи больше обычного. «Все звенья предприятия,— говорил директор, — нацелены сейчас на повышение эффективности и качества работы. Необходимо также продолжить развивать и совершенствовать бригадную форму организации труда и оплаты по конечному результату».

У завода в этом отношении накоплен немалый опыт. Только за счет роста производительности ... объем производства за че-

избрали на партийную работу,— вспоминает он,— волновался поначалу: справлюсь ли? Секретарь райкома мне тогда сказал: «Волнение твое понятно. Что ж, будешь продолжать заниматься производством, только по линии партии». Линия партии. Мне кажется, лучше всего ее проводят знающие, увлеченные, понимающие ответственность люди. Высокая сознательность стала у нас нормой. В каждом цехе, на кажд...

...Один из сб...

сомольско-молодежной бригады. Шесть месяцев подряд бригада держит первое место по цеху.

— Работа, конечно, нелегкая, почти ювелирная,— говорит Нина Ивановна,— требует прежде всего терпения и трудолюбия. Вначале, когда только создали участок, трудно было. Сейчас почти без брака работаем...

Но за этими, казалось бы, про... ...самая линия,

ние к работе теперь у нас... ну, вроде как подлость...

Подобное осознание ответственности тоже, думается, одна из причин успешной работы предприятия.

Наталье Ксенофонтовой двадцать три года. Пять лет назад она пришла на завод. Сейчас сама — наставница. Ее судьба — типичная судьба молодой работницы Второго часового.

— Я хоть и сельская,— говорит ...,— а к тонкой работе бы... ...выкла. Норма — двести ...лов в смену, а иногда ...бираешь... Да разве

... Наташа выпол... ...овиной года. ...льно на за... ...ботает на ... знаю, ...отом

ГРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ ИНТЕРВЬЮ РЕПОРТАЖ

КИЕВ

МИР ЧИТАЕТ «МАЛУЮ ЗЕМЛЮ»

1 С горячим волнением читал я книгу Л. И. Брежнева «Малая земля». Ведь в ней говорится и о моем труде сапера: «По сути, вся Малая земля превратилась в подземную крепость». «Нужда заставляла пробивать штольни в скальном грунте, строить подземные склады боеприпасов, подземные госпитали, подземную электростанцию». «Инженерные войска проявляли удивительную изобретательность».

Мне как бывшему командиру саперного батальона, проведшему полгода на Малой земле, приятно, что ратный труд саперов так высоко оценен руководителем нашей партии и государства. Прочитав книгу, я подумал, что ее ждет небывалая популярность у нас в стране и за рубежом. И стал следить за ее изданиями.

Первый политиздатовский тираж—200 тысяч экземпляров—разошелся мгновенно, так же разошелся и второй, хоть он был в шесть раз больше, последующие тиражи уже исчислялись миллионами экземпляров. Потом эта книга вышла у нас в Киеве — на украинском, потом в Минске — на белорусском, потом на других языках... Вышла она и в прекрасных сувенирных изданиях и в виде книги-альбома — в издательстве «Детская литература». Примечательно, что это издание богато иллюстрировано рисунками художника П. Я. Кирпичева, сделанными с натуры во время боев на Малой земле.

Узнав о моей идее собрать все издания «Малой земли», на помощь пришли многие бывшие фронтовики-малоземельцы. Так я получил эту книгу на балкарском, лакском, абхазском, грузинском. Потом стали появляться издания на английском, французском, немецком, испанском.

На всех континентах мира крупнейшие издательства стали выпускать автобиографические книги Л. И. Брежнева, и в первую очередь — «Малую землю». Спасибо работникам наших представительств за рубежом — они помогали и помогают нам приобретать эти издания. Так, в Индии «Малая земля» вышла на пяти основных языках, на которых говорит население страны. Редкостное по оформлению издание осуществлено в Японии.

Только перечень стран, которые значатся на обложках в моей коллекции, занял бы немало места: Ливан, Турция, Шри Ланка, Перу, Греция, Колумбия, Мексика, Эфиопия... 104 советских и зарубежных издания только в книгах, не считая того, что главы «Малой земли» печатали десятки массовых журналов и газет многих стран мира.

На базе моей коллекции в Киеве трижды организовывались выставки. Рабочие, студенты, школьники, многие иностранцы с интересом узнают, в какие дальние уголки мира проникла правда о минувшей войне, рассказанная в книгах Л. И. Брежнева.

И. БЕКМАН,
инженер,
участник боев на Малой земле
Фото Н. Козловского

1

2

АРМЕНИЯ

РЕЙС—В БЕСС...

2 Пьедеста...
памяти
этому
му р...
в ко...
ег...
с...

ПО ВЕНЕЦИАНОВСКИМ МЕСТАМ

...а за обилие рек, озер ... Вышний Волочек ...еверной Венецией. ... связа... с ...цианова — крепостного художника Григория Васильевича Со... року, ...

МОСКВА

ИМЕНИ ЛИСКУНА

4 Государственному музею животноводства имени академика Лискуна исполняется 30 лет. Мы обратились к директору, доктору сельскохозяйственных наук, профессору П. А. Барышникову.

— Павел Алексеевич, почему ваш музей носит имя академика Лискуна?

— Чем больше проходит времени, тем дороже для нас имена ученых, стоящих у истоков советской науки.

Если бы вы знали, каким замечательным человеком был Ефим Федотович Лискун: крестьянский мальчишка из беднящкой семьи, он в царской России добивается того, что поступает в Московский сельскохозяйственный институт — теперь нашу Тимирязевку, при которой создан музей.

Институт заканчивает на рубеже века, в 1900 году, и почти сразу о нем начинают говорить как о талантливом ученом-животноводе. Но особенно расцветает его талант после Октябрьской революции. Он возглавляет Всесоюзный институт животноводства, преподает в Тимирязевке, бывает в совхозах и колхозах страны. Его называют «всесоюзным зоотехником».

Так вот, Ефим Федотович стоял у колыбели нашего музея. В мемориальном кабинете Ефима Федотовича бережно хранятся его труды, личные вещи.

— Как строится работа музея?

— Мы стремимся показывать развитие той или иной отрасли животноводства в историческом аспекте. Это относится и к молочному и мясному животноводству, и к пушному звероводству, и к рыбоводству.

Нам хочется, чтобы посетители музея узнали о работе и подчас героической жизни ученых, выводивших новые породы животных, полюбили их, а те, кто работает в этой отрасли, стремились бы им подражать. В музее ведется большая научная работа.

Сейчас у нас широко представлены все достижения советской зоотехнии. Особенно большой популярностью пользуется зал «Генетика и разведение». Экспозиция в яркой и образной форме рассказывает об эволюции пород животных, методах создания племенного скота, о крупнейших достижениях ученых-генетиков. Здесь проходят занятия со студентами Тимирязевки.

— А какие посетители наиболее характерны для вас?

— Прежде всего любознательные. Здесь и ребята из зоологических и биологических кружков домов пионеров, и артисты кукольных театров, и иностранные гости, и, конечно, в первую очередь животноводы, ихтиологи, звероводы со всех концов страны. Это самые дотошные посетители. Они ведут записи, вносят в блокноты адреса передовых хозяйств и, прощаясь, говорят: «Теперь у себя на ферме сделаем так же». Для нас это самая большая похвала.

На снимке: в зале музея «Генетика и разведение».

Фото Ю. Буданова

ВЛАДИВОСТОК 5

ПОДАРКИ МАКСИМКЕ

Никогда раньше у Николая Трухно, первого помощника капитана теплохода «Дальнереченск», не было столько хлопот перед отходом в рейс. В блокноте под рубрикой «Нужно сделать», кроме дел служебных, значились адреса комитетов комсомола, школ, Владивостокской фабрики игрушек... Помполит должен был не просто посетить эти места, а и выслушать напутственные слова, принять дарственные письма вместе со свертками подарков. И все это доставить на теплоход, трюмы которого полным ходом уже загружались рисом. Дело в том, что «Дальнереченск» готовился в рейс к берегам Кампучии. Недавно оттуда вернулся теплоход «Любовь Орлова», экипаж которого вместе с докерами Владивостока, Находки, Ванина и Корсакова, выполняя интернациональный долг, помогал в перевалке грузов, поступающих в порт Кампонгсаом. Более двух месяцев работали советские моряки и докеры в братской республике. Сейчас трудно вспомнить, кто из них в ту пору привел на борт теплохода черноголового мальчика, кто первым назвал его Максимкой Орловым. Мальчик полюбился всем. С разрешения капитана Георгия Федоровича Семака Максимку зачислили на все виды морского довольствия, ему сшили одежду, даже выдали повязку вахтенного. Кха Ун, так звали мальчика, обрел вторую семью. Мать, отца, сестер и братьев зверски убили солдаты Пол Пота.

Вместе с советскими моряками Максимка работал на Ленинском коммунистическом субботнике, который члены экспедиции провели задолго до апреля. Этот субботник длился более двух недель. В свободное от вахт и работы время моряки ремонтировали старый, заброшенный дом, чтобы потом собрать под его крышей детей, ставших сиротами.

Сейчас Максимка живет в этом детском доме, рядом с портом Кампонгсаом, куда возьмет курс и теплоход «Дальнереченск». Его экипаж передаст друзьям Максима Орлова подарки от его новых братьев и сестер из Владивостока.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»

На снимке: швея Владивостокской фабрики игрушек Ольга Лабуз готовит подарки для детей Кампучии.

Фото автора

Надежда **КОЖЕВНИКОВА**

НАЙТИ СЕБЯ

Лидия Бродская

Огромные камни-валуны, чья тяжкая неподвижность подчеркивается стремительно крутым, вспенивающимся потоком буйных вод Енисея. Густо поросший лесом утес, горы вдали. Облачное, плотное, низкое небо. Картина называется «Сибирь».

А вот «Байкал». Глубинная синева озерной холодной — до ломоты в зубах — чистейшей воды высветляется постепенным переходом к легкой голубизне неба, и это как бы смыкание небес и вод придает картине воздушность, окрыленность, в контраст с основательностью, кряжистостью прибрежных коричнево-желтых скал.

«Вечернее облако» фантастического очертания повисло над землей. Верхняя половина полотна выдержана в плавном ритме, а вот нижняя схвачена будто с крыла воздушного лайнера, при взлете, когда, казалось бы,— еще рывок и самолет совсем оторвется, наберет высоту.

Общее в этих картинах — масштабность, размах, серьезность поставленных задач и тщательность, несуетность в их выполнении. Автор — народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР Лидия Исааковна Бродская.

Вот она на пороге своей мастерской, открыла дверь с гостеприимной улыбкой, приветливой, даже больше того, скорее робкой.

То есть, пожалуй, робость — неправильное определение: облик художницы, ее манера улыбаться, двигаться характеризовались тем ощущением себя в мире, какое свойственно бывает хрупким миниатюрным женщинам. А она писала Урал, Сибирь. Бродила в горах, по ущельям с этюдником. Писала свои пейзажи в жесточайший мороз, за пазуху пряча тюбики с белилами, чтобы не застывали.

На полках ее мастерской сотни натурных этюдов, своеобразная картотека, кладовая впечатлений, замыслов. Умение фиксировать сиюминутное, в постоянно движущемся, переменчивом, схватывать самую суть не только укрепляет память, но и развивает воображение. Что такое вообще творческое воображение? Это вдохновенное воссоздание пережитого.

Лидия Бродская сказала, что сейчас свободно может писать по впечатлениям. Увидев пейзаж летом, представляет его во всех подробностях зимой. Но такая свобода далась многолетней работой на натуре. Воображение раскрепостилось после постоянных напряженных усилий памяти.

Она вспомнила слова своего отца, выдающегося художника Исаака Израилевича Бродского: работать надо не только, когда ты в мастерской, а постоянно. Смешивать краски — в уме, компоновать — в уме.

Лидия Исааковна задумалась:

— Что такое вдохновение, я не совсем понимаю. Когда пишу, я вовсе не витаю где-то в облаках. Напротив... Какими средствами техническими мысль выразить — вот что меня занимает. Бывает, идет рука, а бывает — туго. Стена. Но это еще не значит, что действительно кончено. Переждешь — и новое приходит дыхание... Я люблю те свои работы, которые тяжело дались. Если вещь далась тяжело — а почти всегда именно так бывает,— я ее больше ценю. А если сложилась легко — у меня к такой работе как-то меньше доверия.

Неправда ли, характер! Уже иначе вынуждающий воспринимать и внешность и лицо, темноглазое, с чуть недоумевающими высокими бровями, своенравным рисунком рта, открытым лбом, вьющимися волосами, причесанными на прямой пробор.

И не хрупкость вовсе, а стальная пружинистость. Так она движется. Дата рождения — 13 марта 1910 года. Петербург...

...Росла среди картин. Мастерская отца находилась при квартире. Великолепная коллекция: Исаак Бродский собирал современников — Репина, Кустодиева, Малявина, Серова, Левитана. Впоследствии семья художника передала эту коллекцию в мемориальный музей. А тогда современники сами в дом Бродских приходили. Шаляпин пел. Бывал Маяковский. Устраивались так называемые «четверги». У Репина подобными днями были среды.

Бывали домашние концерты... Традиция эта, вспоминаемая с улыбкой, — почему она исчезла в наши дни? Разве те люди работали меньше, меньше оказывались заняты? Мало был занят Маяковский? Шаляпину делать было нечего? А вот же — встречались еженедельно, и не для питья и еды, а для общения. Творческого. Интересовались, что делает коллега. Читали вслух только что написанное. Артисты, на чьи концерты ломились, позволяли себе «роскошь» выступать при очень маленькой аудитории. И время, и силы, и, главное, желание, значит, находились. Милая традиция — она рождала то, в чем так нуждались люди искусства, нуждаются все люди — атмосферу духовности. Атмосферой этой дышали, ею воспитывались и не находили в ней ничего «божественного», потому как сами, собственными силами создавали ее.

Трехлетняя Лидия Бродская на тех домашних концертах танцевала. А в мастерской отца у девочки был свой уголок. Там она рисовала. Клоунов. Цирк стал страстью. Кумиры — клоун Жакомино, о котором писал Куприн, чудо-дрессировщик Вильямс Труцци. А в 1920 году девочка поступила в хореографическое училище на улице Росси, прославленное такими блистательными именами, как Анна Павлова, Карсавина, Фокин, Нижинский...

В то время учились Галина Уланова, Татьяна Вечеслова, классом руководила Агриппина Яковлевна Ваганова.

Школа балета, как известно, требует жесточайшей дисциплины, одержимого тренинга. Но можно ли считать для Бродской, ставшей не балериной, а художницей, те годы на улице Росси потерянными? Нет и нет. Они научили ее работать, каторжно и вдохновенно. Приучили не щадить себя.

Эти качества очень пригодились в занятиях живописью, они необходимы в любом творческом труде.

Художник Исаак Бродский говорил: надо найти себя один раз. Его дочь Лидия выстроила свою судьбу как бы в противоречие этой заповеди. Ее жизненный путь — сплошные контрасты, но, вдумавшись, увидишь не зигзаги, а единую твердую линию. В итоге цель оказалась достигнута — личность нашла себя.

Но поиск был сложным. Балерина с классическим образованием и явными на данном поприще перспективами для всех неожиданно уходит в эстраду. Поворот? Но еще в училище соученик Бродской Леонид Якобсон поставил для нее и для ее одноклассника Алексея Писарева дуэтный танец, в котором сочетались элементы классической хореографии и акробатики. Это было непривычно, ново — с тех пор Лидия Бродская увлеклась акробатикой. Работая впоследствии в мюзик-холле, она вошла в номер «Трио Кастелио», где исполняла в воздухе тройные пируэты, переброски, сложнейшие акробатические комбинации, а завершалось выступление прыжком с семиметровой вышки.

Ленинградский мюзик-холл в то время собрал выдающихся мастеров. Бродская выступала с такими звездами эстрады, как Утесов, Шульженко, Гаркави, Хенкин, Русланова, Хрусталев.

Слаженный коллектив, гастроли, успех — и новая неожиданность.

Летний отдых, партнеры уехали отдыхать, а Бродская осталась в городе. После интенсивного ритма эстрадной жизни, выступлений и репетиций, аплодисментов, вызовов на бис — точно прорыв. Да и не привыкла она к ничегонеделанью и отдыхать толком не привыкла. Пришла в мастерскую к отцу: «Хочу попробовать рисовать». Ей исполнилось тогда двадцать пять. И что же, новая ломка!

Началась «двойная» жизнь. Оставить сцену казалось страшно — ездила в концертные поездки с этюдником. У партнеров увлечение ее радости, понятное дело, не вызывало. Бродская же продолжала гнуть свое: поступила вольнослушательницей в Академию художеств. Потом вольнослушательницей в мастерскую к отцу — он тогда был ректором ленинградской Академии.

В 1939 году Исаак Бродский умер, Лидия Исааковна со сцены тогда еще не ушла — это решение она приняла позднее, самостоятельно.

Но запомнилось, как отец работал, запомнились его слова: запасайтесь маленькими кистями и большим терпением. Он не успел помочь дочери в профессиональном становлении, не успел даже узнать, что она станет художником, но, наблюдая самые первые ее шаги, научил не бояться замахиваться на то, что, казалось бы, еще не по плечу, поддержал в ней веру и желание дерзать. В этом сказался его человеческий такт, педагогический опыт, а, возможно, еще и чутье, свойственное подлинному таланту.

Характерно, что после своего решения оставить сцену Бродская перестала даже посещать какие-либо эстрадные представления. Пово-

рот — так на все сто восемьдесят градусов. Отмеряно — отрезано. Ушла и не обернулась, не позволила себе даже бросить назад, в прошлое, грустно-сожалеющий взгляд.

А ведь погрустить было о чем: номер «Трио Кастелио» знали не только в Ленинграде, артисты объездили с ним многие города, и всюду встречали успех, аплодисменты... После праздничной, хотя временами и утомительной артистической жизни не оглушила ли тишина, одиночество новой профессии? Художник ведь как работает — наедине с самим собой.

Бродская начала с натюрмортов, долго писала их. Пейзажем стала заниматься с 1945 года. И — точно деталь — к натюрмортам больше уже не возвращалась никогда.

Но натюрморты были школой, на них она росла, училась. Выставляться начала с сорок пятого года. Впервые на всесоюзной — в 1948 году. И теперь уже экспонировалось постоянно, и на всесоюзных и на московских выставках.

Ее привлекают в пейзаже большие темы, наравне с лирическими — эпические. Луи Арагон в своей статье «Современный пейзаж и его критики» писал: «Действительно в картинах (Л. И. Бродской.— Н. К.) нет ничего такого, что не смогло быть изображено на полотнах Милле и Курбе, исключение составляют лишь поля, обрабатываемые теперь не так, как они обрабатывались в России при старом методе обработки. Характерное для многих пейзажных полотен выставки сочетание лирического начала с эпической широтой образа чувствуется в произведениях Л. Бродской, показавшей своими последними работами значительный рост мастерства, достигнутый серьезным изучением традиций русской пейзажной живописи».

В самом деле, картины Бродской не поражают броскостью. Природа в них такова, какова она есть, так сказать, в действительности. Радость узнавания — вот что ощущает, глядя на работы Бродской, зритель. Но подобная радость возникает лишь в том случае, когда художник находит в обычном, обыденном извечное. Когда он умеет создать в пейзаже гармонию, полную достоверность, в точном соответствии с временем года, днем, часом. Никакой приблизительности.

Да, творчество Бродской доступно, но т а к а я доступность стоит дорого.

Пунктуальность, любовь к порядку, высокая самодисциплина свойственны ей, по-видимому, от природы. Об этом говорит и обстановка в ее мастерской: все на своих местах, тюбики с красками выложены рядами с женской заботливой аккуратностью. Художница вообще не считает нужным изменять женскому своему естеству. Чувство собственного достоинства обнаруживается и в мелких деталях ее поведения и, главное, в творчестве.

Конечно, работая, Бродская учитывает и открытия пленэристов, барбизонцев и завоевания, сделанные русскими, советскими пейзажистами, но остается верна себе. Работать же в так называемой традиционной манере и при этом обладать собственным отличимым почерком, согласимся, в нынешнее время нелегко. Нелегко не поддаться бьющим на эффект «наипоследним» веяниям — их сейчас столько...

Но пейзажная живопись не терпит поверхностных наскоков. В пейзаж надо войти, внутренне обжить его, тогда только возможно наполнить его чувством, одухотворить.

И Бродской это удается. Среди женщин-живописцев много хороших пейзажистов, пейзажистов с т а н к о в ы х. Бродская, опять же не изменяя женскому, изящно-артистическому началу, способна находить в своих полотнах спокойное, очень уравновешенное и, позволю сказать, мужское решение. В сосновом русском бору она чувствует себя свободно, основательно, легко ориентируется. В ее весенних, мартовски-апрельских этюдах слышен как бы ликующий горловой, журавлиный клекот.

— Меня привлекают большие просторы, — говорит сама художница. — Чтобы глаз прорывался в даль, не игнорируя первый план, но об него и не спотыкался.

В самом деле, даже небольшим ее работам свойственно это ощущение простора. Дыхание, как бы распирающее легкие, так что даже чуть кружится голова. Простор безграничный, но нисколько при всей своей бескрайности не пугающий, а, что называется, в о л ь н ы й.

В пейзажах Бродской особая тишина. Она может быть торжественной, может быть трепетной, напряженной, но никогда не гнетущей.

Это та тишина, к которой, неосознанно или сознательно, Лидия Бродская и стремилась. В которой нашла себя.

Такая тишина извечно, первозданно существует в природе, но не всем дано услышать ее. А уж кто услышал, принял этот зов, через все препоны, преграды будет к ней рваться. Тогда никакие «контрасты» не имеют значения — есть цель.

Балерина, звезда эстрады, Лидия Бродская достигла желанной т и ш и н ы и сумела воплотить ее творчески.

Способность вообще воспринимать тишину свидетельствует о многом: о цельности, скажем, несуетности, самостоятельности, стойкости натуры. Ведь время нужно, чтобы в тишину вникнуть, расслышать ее в себе, в ней раствориться и сыскать основу только в себе.

Творчество Лидии Бродской говорит не только о ее верности теме — природе России, но и о способе существования, жизненном выборе. В этих лесах, горах, полях, у озер и рек она бывала подолгу о д н а. Она работала, думала.

Теперь ее имя известно, признано. Ее картины хранятся в крупнейших музеях, галереях нашей страны. Многие произведения находятся за границей: в Англии, Франции, Италии, ГДР, Польше, Финляндии, Китае, Бирме, Вьетнаме... А ведь как начинался ее путь — дилетанткой, не имеющей специального образования, рисующей натюрморты, в «тени» уже прославившегося тогда мужа, художника Федора Решетникова.

...Три знаменитости в одном семейном «клане». Исаак Бродский. Федор Решетников. Лидия Бродская. А в русской советской живописи—три крупных имени, сказавших в искусстве то, что никто другой за них не смог бы сказать.

ПОПОЛНЕНИЕ ЛЕНИНИАНЫ

В.И. ЛЕНИН
И ЗАЩИТА
ЗАВОЕВАНИЙ
ВЕЛИКОГО
ОКТЯБРЯ

«Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...»,— в этих словах В. И. Ленина как бы синтезирован один из важнейших законов классовой борьбы. Жизненность ленинского завета подтверждена опытом многих революций нашего времени.

Перед читателем книги Ю. Кораблева «В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября» с каждой страницей все более полнее раскрывается непреложная историческая истина; обреченные господствующие классы не уходят добровольно с исторической арены, а вступают в ожесточенную схватку с трудящимися массами.

Борьба с интервентами и белогвардейцами ярко продемонстрировала правоту ленинских слов: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся...».

Труд Ю. И. Кораблева доносит до нас титаническую деятельность великого Ленина в годы гражданской войны; рассказывает о том, как руководил он центральными партийными, советскими и военными органами, как готовил важнейшие постановления и директивы партии и правительства по вопросам строительства Красной Армии, по обороне от внешних и внутренних врагов.

На основе хранящихся в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС документов автор приводит интересные статистические сведения. Так, например, с ноября 1917 года по декабрь 1920-го Ленин провел 375 заседаний Совета Народных Комиссаров из 406. С декабря 1918 года по 24 декабря 1920-го под его председательством состоялось 143 заседания Совета Обороны из 175. Только в течение 1919 года Ленин руководил работой 14 пленумов ЦК и 40 заседаниями Политбюро ЦК РКП(б), на которых решались военные вопросы. С ноября 1917 года по ноябрь 1920-го Лениным было написано более 600 телеграмм и писем по вопросам обороны страны, военного строительства и ведения вооруженной борьбы.

Большое место в книге отводится ленинским положениям о влиянии экономических, социально-политических и военных факторов на исход войны.

Автор наглядно показывает, в чем состояла сила ленинского военно-стратегического руководства.

Владимир Ильич, как никто другой, умел схватывать и разгадывать внутренний смысл происходящих событий в их чрезвычайном разнообразии. Это позволяло ему вовремя сосредоточивать усилия на решающих участках фронта вооруженной борьбы, конкретно учитывать обстановку, правильно маневрировать силами, мобилизовывать ресурсы страны на борьбу против интервентов и белогвардейцев.

Читая книгу о военной деятельности В. И. Ленина, написанную на огромном документальном материале, невольно вспоминаешь характеристику, которую давал Ильичу писатель Джон Рид, справедливо называя Ленина гениальным руководителем новой исторической эпохи. Он писал: «...простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту... обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума».

Военная деятельность В. И. Ленина отражена во многих исследованиях, в мемуарной и научно-популярной литературе. Однако в труде Ю. И. Кораблева она получила наиболее исчерпывающее освещение.

Попутно в книге рассказывается и о деятельности выдающихся советских полководцев: М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича, А. И. Егорова и других. Автор детально анализирует литературу последних лет о гражданской войне, последовательно рассматривает разгром первых контрреволюционных мятежей, всех последующих походов Антанты.

Книга Ю. И. Кораблева, несомненно, хорошее пополнение Ленинианы. Она дает возможность лучше и глубже изучить жизнь и деятельность величайшего человека нашей эпохи.

Я. ГОРЕЛИК,
кандидат военных наук

К о р а б л е в Ю. И. «В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября», М., «Наука», 1979, стр. 544.

Сергей МАРКОВ

ГЛАВНОЕ, САМОЕ

Нередко бывает так: в минуты беды первым примчался врач, поставил диагноз, сделал самое необходимое, ненадолго облегчив боль, закрыл кофр, вымыл руки и ушел. А если нужно, то и отвез в больницу, сдал в приемное отделение. Потом человек будет благодарен не ему, а врачу лечащему, сделавшему операцию, медсестрам, заботливо ухаживавшим. А того, первого... «Да, приходил — в халате, накинутом на черную шинель, и в форменной фуражке. Но так, знаете ли, плохо было тогда, что даже лица не запомнил...» По-человечески, конечно, это понятно. Но бывает иначе.

Не часто, но все же приносят почтальоны и такие письма: «Низко кланяюсь ему за своевременную и радикальную помощь. Композитор А. Полонский», «Доктор Кудрявцев сумел вселить веру в жизнь, а это — самое главное! Е. Певзнер», «Желаю «Скорой помощи» иметь много таких врачей, как т. Кудрявцев. Я. И. Яковлев, старый большевик».

— Когда доктор Кудрявцев пришел к нам,— вспоминает Евгения Владимировна Жигачева,— показалось, что я уже знаю его... Мне тогда было очень скверно. Умерла мама, меня в шоке увезли в больницу, подозревали инфаркт, выяснилось, что инфаркта нет, но каждый вечер такие страшные спазмы сосудов, галлюцинации, холодели руки и ноги, казалось, что умираю... Иногда теряла сознание. Однажды вызвали «Скорую помощь», и приехал Владимир Николаевич. Сделал он мне укол, потом мы побеседовали, доктор говорил о своей маленькой дочке, о редкой книге, купленной на Кузнецком... И от его рассказов, от спокойных, уверенных интонаций, от доброй улыбки стало мирно и тихо на душе. И, представляете, как я удивилась, услышав на следующий день по телефону его голос. Он опять что-то рассказывал, шутил, и я рассказывала, вспоминала что-то забавное, даже смеялась, и болезнь как-то сама по себе отступала... Он на память знает массу телефонов, записных книжек ему никогда не хватает. Часто звонит людям, которых спас даже много лет назад. Знаете, как радостно слышать по телефону почти уже родной голос, хотя после того вызова я его больше ни разу не видела: «Евгения Владимировна? Это доктор Кудрявцев. Как вы там поживаете?..»

— Мой отец и сам врач,— рассказывала Елена Ивановна Лазарева,— он полковник медицинской службы в отставке. Я росла в медицинской среде, в доме врачей. Но такого, как Владимир Николаевич, такого человека... Сперва мне казалось это парадоксальным — в нем как-то сочетается основной завет «Скорой помощи»—«Bis dat, qui cito dat» («Кто дает быстро — дает вдвойне»), притом десятки вызовов в сутки — и неторопливость, обстоятельность. Доктор Кудрявцев проводит у больного столько времени, сколько нужно, и сил, внимания отдает ему столько, словно у него один больной и торопиться больше некуда. Как это у него получается? Не знаю... И еще хочу отметить одну его особенность. Для врачей самые трудные пациенты — врачи. Помню, приходил к нам как-то молодой терапевт, так он от одного папиного профессионального вопроса из себя вышел: «Кто здесь лечит: я или вы?!» Доктор Кудрявцев мало того что сразу поставил точнейший диагноз, по которому потом и сделали отцу в больнице успешную операцию, он и самого больного как бы привлек к консилиуму. Вместе они все подробно обсудили. И друзьями стали с тех пор. Всегда Владимир Николаевич старается, чтобы больные по возможности понимали диагноз.

— Я с доктором работаю больше трех лет,— говорит фельдшер 14-й подстанции «Скорой помощи» Ольга Донцова.—Конечно, всякое бывало: и ошибалась и отвлекалась, мешкала. Но ни разу не видела Владимира Николаевича раздраженным, нетерпимым. Даже в самую напряженную минуту, в безвыходной, казалось бы, ситуации он находит единственно верный тон, часто даже пошутить успеет. Не говоря уж о том, что он всегда все помнит: мои удачи и неудачи, мои личные расстройства и ненавязчиво даст совет, а главное, выслушает внимательно, каким бы усталым ни был. С ним удивительно легко и славно работать. Он надежный.

Совсем обычным был тот день, похожий на тысячи других рабочих дней доктора Кудрявцева. Утром, в начале девятого, закончилась пятиминутка. Заскрипели лестницы старинного особняка, в котором размещается подстанция «Скорой помощи», захлопали двери, зазвонили телефоны, заголосил селектор, особенно пронзительный и неприятный к концу ночного дежурства, перед рассветом. А в то солнечное утро голос селектора казался бодрым, даже веселым:

— Двадцать вторая, на вызов!

Вой сирены, пронзительный визг тормозов, РАФ-2203 на предельной скорости пересекает перекрестки на зеленый, желтый, красный. Вот он, нужный дом. В кровати лежит девушка. Без сознания. Пульса нет. Давление резко падает. Зрачки... Ну, конечно. Интуиция Кудрявцева не подвела, хотя симптомов почти нет: разрыв аневризмы мозгового сосуда. Явление для шестнадцатилетнего возраста редчайшее. Смертельная опасность.

— Шприц!

Внутривенное вливание. Никаких улучшений. Еще, еще! Катастрофически падает давление. Дыхание чуть заметное, прерывистое. Сердце останавливается. Дыхания нет.

— Аппарат искусственного дыхания.

Непрямой массаж сердца. Толчок, еще толчок! Потихоньку, медленно, убийственно медленно дает о себе знать пульс... Раз, два, три... Самостоятельного дыхания все нет. Запасы кислорода на исходе. Фельдшер бежит в коридор, к телефону. Вызывает машину с кислородом. Ожидание. Часы, как приговор, — тик, тик, тик. Кислорода хватит минуты на две. Какая красивая девушка! Глаза огромные — иконописное лицо. Не может быть, быть того не может: кислород кончился. Что-то тихо щелкнуло в аппарате и отдалось в виске. Или это на улице? Пульс...

Один конец трубки в дыхательном горле девушки, другой — к себе в рот. От себя — к ней. Воздух из собственных легких. Минута, две, пять... Они все не едут. Семь, девять... Так будет продолжаться, пока не придет машина с кислородом. Самому воздуха не хватает, перед глазами черные круги. Наконец, на улице хлопают дверцы. Машина пришла. Вновь подключен аппарат искусственного дыхания. С величайшими предосторожностями больная доставлена в Институт нейрохирургии.

...Полежать бы хоть немного. Голова разламывается. Фельдшер звонит, теперь на подстанцию. Новый вызов: катастрофа на Октябрьской — «авто». На языке «Скорой» это означает сверхсрочно. В те сутки было 26 вызовов. Цифра средняя.

...Все реже, но собираются вместе студенты медицинского института тех шести послевоенных лет. И вот иные — кандидаты и доктора наук, главврачи и заведующие, — порой не скрывая своих жизненных принципов, глядя на Кудрявцева, снисходительно-покровительственно недоумевают: «Кончил с отличием! Ведь надо же». Как поступил Кудрявцев в конце третьего курса фельдшером в «Скорую помощь», так и проработал в ней без малого тридцать лет. Единственное повышение — был фельдшером, стал врачом. Правда, одно время заведовал Первой подстанцией «Скорой помощи». В те годы она вышла на первое место в городе. Но Владимир Николаевич не пожелал долго «командовать», вернулся к суточным дежурствам: «в качестве лечащего врача я себя лучше чувствую».

В диспетчерской (сюда поступают сообщения оперативной части станции «Скорой помощи» на Колхозной площади) фельдшер взял карту вызова. В ней общие данные: фамилия, возраст больного и часто две маленькие буковки «п. с.», «плохо с сердцем». За ними может быть и легкий невроз и тяжелейший инфаркт миокарда с кардиогенным шоком. А может быть просто легкая простудная боль в горле... В другой раз кто-нибудь поранил руку. Все равно тебе дано только две минуты на сборы.

Сейчас после объединения «Скорой помощи» с районными пунктами Неотложной помощи, врачи которых прекрасно знали людей своей округи, бригадам «Скорой» порой приходится нестись через пол-Москвы, чтобы найти старушку, которая чуть ли не всю жизнь пребывала под наблюдением районного врача и в «Скорой», по существу, не нуждается, или «дядю Васю», принявшего с вечера «лишку» и нехорошо себя почувствовавшего по причине нехватки средств на «опохмелку»...

— Я человек не вспыльчивый,— говорил Кудрявцев, — но когда приезжаю к пьянчужкам, выдержка отказывает, терпения на таких не хватает. Эти вызовы больше всего нервы выматывают. Сидит «больной» с опухшим от пьянки лицом, а требует помощи. А в это время где-нибудь человек умирает. Но такие случаи, слава богу, не часто бывают.

В машине «Скорой помощи» врачи не гадают, не думают о том, с чем придется встретиться через несколько минут. Иногда нужно доказывать, и прежде всего самому себе, что ты врач и во имя спасения человека имеешь право порой идти не по проторенной дороге, а положившись на свои знания, совесть, интуицию, действовать вопреки именам и авторитетам. Однажды он решительно не согласился с диагнозом, поставленным врачами крупной специальной лечебницы, и настоял на своем. Настоял и спас жизнь человека. Конечно, такое не всегда завершалось благодарностью по службе. Бывали и неприятности...

В семью медиков Кудрявцев пришел с войны...

На московской городской партийной конференции он был избран в президиум.

— Сижу, оглядываюсь, вижу — как будто знакомое лицо? Маршал... Две звезды Героя. Вся грудь в орденах, тяжелые, нависшие брови, массивный подбородок. Да это Чуйков. В перерыве подошел к нему и спросил: «Василий Иванович?» «Я. Что такое?» «Я вас и не узнал сперва. Вы же мой командующий...» «А что, изменился? К лучшему или худшему?» — И засмеялся. — «Шестьдесят вторая?» «Так точно! Сержант Кудрявцев!» «Ну, вольно, вольно,— улыбнулся Чуйков. — Сразу вижу старого солдата. Ого! Героем Социалистического Труда стал. Даром время не терял, сослуживец!»

Так до конца конференции мы сидели рядом. Чуйков мне свою книгу «Сражение века» подарил. И надписал: «Сталинградскому однополчанину В. Н. Кудрявцеву от автора».

Герой Социалистического Труда врач «Скорой помощи» В. Н. Кудрявцев.

Фото А. Козьмина

О многом вспоминали они. И как горела Волга, когда гитлеровцы разбомбили стоявшие на берегу цистерны с нефтью и вся поверхность воды покрылась толстым ее слоем. Река горела ночь, день, ночь, и казалось, что не будет больше Волги, останется лишь огромная обгоревшая яма... Вспоминали они и тишину второго февраля после ликвидации последних частей Паулюса, тишину, наступившую после долгого кровопролитного сражения без оперативных пауз и ночных затиший...

13 сентября 1942 года Кудрявцев находился на важнейшей в стратегическом отношении высоте — 120,0, Мамаевом кургане, на том самом, где много лет спустя скульптор Е. В. Вучетич поставит знаменитый памятник-ансамбль героям Сталинградской битвы. Это был очень жаркий день. Немцы хотели овладеть высотой. Кудрявцев был заряжающим и наводчиком 76-миллиметрового орудия.

...Рассвет, бомбежка, не оставляющая и сантиметра живой земли. Артобстрел, перепахивающий каждый клочок. Фашистские автоматчики уже в нескольких сотнях метров... «Прямой наводкой, огонь! Огонь!»...

И вот тишина. Самая тихая в мире тишина. Над обуглившимися камнями, над стенами, зияющими пробоинами. Кудрявцев закрыл глаза и долго не открывал их — слушал. Казалось, что тогда было слышно, как падал снег.

Он в уме с наслаждением «прокручивал» свою будущую гражданскую жизнь, мечтал о том, как после победы приедет в Москву, на Ленинградский вокзал, купит мороженое, сядет в пригородный поезд Москва — Клин и поедет домой. А потом надо будет выбирать дело жизни. Но какое?

От Сталинграда сержант Кудрявцев дошел до Берлина. И сделал для победы все, что смог.

— В сорок шестом я демобилизовался и начал искать это дело — самое, самое главное на земле дело, самое нужное. Непросто это было.

...Так бы и идти в институт, в сапогах, галифе, с орденом Отечественной войны и девятью медалями на груди. Но в том году было уже поздно. И Кудрявцев пошел работать наблюдателем на метеорологическую станцию. Стал заниматься, готовиться к экзаменам.

— Я чувствовал, что для московского вуза не только голова варит слишком «своеобразно», фронтовыми категориями, но и пальцы после снарядов, саперных лопат и автомата неловко ручку держат. Решил повторить школьную программу в десятом классе вечерней школы. Никто, наверное, не учится с таким удовольствием, с такой отдачей, как демобилизованный солдат. Перечитал очень много книг, чуть не ослеп однажды, из читалки Ленинки не уходил, пока не гнали. Школу окончил с золотой медалью. Подал документы в медицинский институт.

Кудрявцев стал студентом лечебного факультета. Теперь он смог, наконец, утолить жажду, томившую с детства (сам играл когда-то в школьных постановках Шекспира и Мольера), и особенно на фронте,— дорвался до московских театров. Днем на лекциях, в читалке, вечером — на охоту за «лишним билетиком». Все московские галерки как свои пять пальцев изучил, ни одной выставки не пропустил. А как много давали ночные споры в общежитии на Пироговке. Спорили о греческой философии и московской архитектуре, об эпохе Возрождения и первой любви. И не мальчишки уже, большинство фронт прошло. А главное, перед ним открывался неведомый, сложнейший и интереснейший мир медицины.

Уже будучи врачом, Кудрявцев поступит на заочное отделение философского факультета МГУ и блестяще защитит дипломную работу. Это увлечение пришло не только потому, что философия, как говорил Гиппократ, «должна быть внедрена в медицину и медицина в философию, ибо все свойства философии сохраняют свое значение в медицине». Диплом философского факультета стал, так сказать, ключом для более глубокого подхода к самой жизни, к своему труду, наконец, к людям.

После окончания медицинского института Кудрявцева, одного из немногих, оставили при кафедре, в ординатуре. Три года он добивался высокого мастерства в, казалось бы, уже выбранной раз и навсегда профессии — хирургии. Сделал много операций, в том числе сложных — на желудке, сердце. Опытные врачи, и прежде всего руководитель клиники известный профессор, ныне действительный член Академии медицинских наук Виктор Иванович Стручков, приметили у ординатора Кудрявцева все данные для хорошего хирурга — верный глаз, точная рука, смелость. Но неожиданно для всех он вернулся в «Скорую» (с которой и не расставался все эти годы, работая на полставки). И вот уже без малого тридцать лет Кудрявцев-хирург очень помогает Кудрявцеву — врачу «Скорой», поддерживает его, придает уверенность.

Кудрявцева интересно слушать. Особенно запомнилась наша беседа в его новой квартире. Всех книг, собранных Владимиром Николаевичем за много лет, уложить на полки еще не успели. На полу лежала примерно половина — тысячи три-четыре. Мы сидели на стопках книг, тускло светила сорокасвечовая лампа, не защищенная пока абажуром. При таком освещении лицо Кудрявцева выглядело еще более худым, выступили морщинки, незаметные на солнце, волосы казались совсем седыми, глаза — утомленными. Но надо было видеть, как он вспыхнул, когда начал говорить о любимых книгах, вспоминать стихотворные строчки Пушкина, Тютчева, Твардовского.

— Я счастливый человек. У меня есть девяностотомное издание Льва Николаевича. По-моему, Толстого всю жизнь можно читать, и всегда прямо не по себе становится от его проницательности, от полного понимания именно нынешнего твоего состояния, состояния твоей души...

А потом разговор заходит о былом, о выборе пути.

— Почему я тогда ушел из больницы Минздрава СССР, куда меня «распределили» после ординатуры?.. Не знаю, может, продолжал искать то главное, самое нужное. Так я решил тогда и теперь не жалею.

...Шины шуршат по асфальту. Двадцать пять часов дежурства. РАФ не торопится. Покорно останавливается на перекрестке перед красным, сворачивает к Павелецкой, на подстанцию.

— А вообще-то мы с тобой молодцы,— устало улыбается Владимир Николаевич, оборачиваясь к фельдшеру Наташе Лебедевой.— Так поработали, что и спать-то уже не хочется. Побриться бы, чайку покрепче, и хоть на вторые сутки. Да нет, столько дел сегодня дома. И в книжный надо успеть... Эх, будь сейчас лето, упал бы в траву, раскинул широко руки и смотрел в небо, смотрел и ни о чем не думал. «Только смотреть на облака, вместе с ними плыть куда-нибудь».

НУЖНОЕ...

ЕМУ БЫЛО ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Перед вами документы и письма, в которых биография целого поколения.

Москвич Владимир Пясецкий родился 10 февраля 1925 года. Его мать, Ядвига Казимировна, была артисткой. После окончания седьмого класса 155-й московской школы Володя поступил в ремесленное училище, работал на Тормозном заводе, потом стал студентом театрального училища. В январе 1943 года он был призван в ряды Красной Армии.

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 13/13-11
13 ноября 1942 года

Выдано призывнику Пясецкому Владимиру Александровичу, 1925 года рождения в том, что он прошел Всевобуч по 80-часовой программе по специальности минометчика при Райвоенкомате Советского района г. Москвы.

Старший инструктор Всевобуча Апаневич

30. 01. 43.

Здравствуй, дорогая мама! Теперь я курсант. Адрес мой изменился: Горький, 22, часть 30. Готовлюсь к зачислению в училище лейтенантов. Маме, ты не грусти особенно и не беспокойся обо мне.

Целую. Твой сын Владик.

14. 02. 1943 г.

Здравствуй, дорогая мамочка! Мне уже миновало 18 лет, и я уже ровно месяц в армии. Мамочка, я учусь на лейтенанта. Сегодня воскресенье, у нас день отдыха. Приводим себя в порядок, пишем письма. В будни учеба, дисциплина строгая. В 6 часов утра встаем и одеваться надо за 5 минут, и, представь себе, я успеваю, а у нас сейчас обмотки, с ними больше всего приходится возиться. После выбегаем на зарядку в гимнастерках и занимаемся 20 минут. На завтрак суп или щи, чаще всего мясные, хлеба и сахара немножечко. Потом занятия в казарме или на улице.

Сегодня мы с вечера будем в карауле. Это дело интересное и ответственное. Сейчас писать уже некогда, собираемся в караул. До свидания, милая моя мамочка. Пиши ответ поскорее, каждое письмо меня очень радует. Ну, пока. Целую тебя. Твой сын Владик.

30. 04. 43 г.

Здравствуй, дорогая мама! Поздравляю тебя с наступающим праздником 1-го Мая и желаю всего наилучшего в твоей жизни.

Мама, сегодня у нас праздничное настроение, все чистятся, моются, пришивают воротнички.

На Первое мая половина нашей батареи идет в караул, а я и еще десять человек — в наряд на кухню. Мне очень обидно, что праздник я буду на кухне, но ничего не поделаешь.

Сейчас готовлюсь к наряду, скоро нужно будет идти. Ну, вот пока все. Я здоров, чувствую себя хорошо. До этого я послал тебе подробное письмо.

Целую крепко. Твой сын Владик. Мой адрес: Саратовская обл., п/о Разбойщина, часть 845, курсанту Пясецкому.

22 июня 43 г.

Здравствуй, дорогая мамочка! Ты пишешь, чтобы я учился хорошо, можешь не беспокоиться, я не имею плохих отметок. Артиллерия — наука очень интересная и сложная. И ты можешь надеяться, из меня выйдет хороший командир. Ты понимаешь, я уже могу стрелять из орудия и даже командовать стрельбой. А это значит, что я могу уничтожать ненавистных врагов нашей Родины!

4 июня у нас прошла подписка на заем, и я подписался на все свое содержание. Вчера купил на последние деньги махорки.

Сейчас стоит хорошая погода, теплая. Созревают яблоки, зацвели дыни. Выросли огурцы, рожь уже заколосилась. Сегодня мы работали на своем подсобном хозяйстве, окучивали картошку.

19. 10. 43. г. Саратов.

Мамочка, дорогая! Мне присвоено звание мл. лейтенант. Пишу тебе из Саратова, нахожусь на вокзале. Еду в Свердловск. Пока все. Еще раз целую. Владик.

26. 10. 43.

Сейчас нахожусь в Свердловске. Скоро должен получить должность, а пока нахожусь в резерве офицерского состава. Город очень хороший и напоминает мне Москву. Через месяц буду в Москве, а оттуда на фронт.

29. 10. 43. г. Малоярославец.

Здравствуй, дорогая мамочка! Со станции Москва-2 Киевской ж. д. звонил тебе на работу. Там ответили, что ты взяла отпуск и поехала ко мне в Пушкино. Но оттуда я уехал в тот же день. И дома тебя тоже не застал. Кто его знает, когда я снова увижу тебя. Но я надеюсь на самое лучшее будущее и на скорую победу над проклятыми фашистами. Скоро буду бить их и обещаю тебе драться до последней капли крови, до полной победы. Целую тебя крепко. Жму руку. До свидания. Твой сын Владик.

ИЗ ПРИКАЗА ПО ВОИНСКОЙ ЧАСТИ:

«...Младший лейтенант В. А. Пясецкий назначается командиром СУ-85 во 2-й танковый батальон 13-й гвардейской танковой бригады 4-го гвардейского Кантемировского танкового корпуса...»

ВЫПИСКА ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА:

«...Командир самоходного орудия Пясецкий в районе Высокая Печь, Гордиевка, Коростки, Любар проявил высокие образцы мужества и отваги. В районе Высокая Печь уничтожил танк типа Тигр-1, транспортных машин — 10, гитлеровцев — 25. В районе Любар подбил танк Т-4 — 1.

За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецкими оккупантами, достоин правительственной награды ордена Красная Звезда.

Командир 2-го танкового батальона майор В. А. ДЫРКОВ

15. 01. 44 г.

Здравствуй, дорогая мама! Давно не писал тебе писем, но ты извини меня, целый месяц был в боях. Сейчас я на отдыхе в тылу. Все время мы наступали и здорово гнали фрицев с нашей земли. В одном населенном пункте мы отрезали немецкую автоколонну и захватили богатые трофеи. Если бы ты видела, с какой паникой бежали фрицы, даже оставляли машины с работающими моторами. Это было как раз в ночь под Новый год. Недавно в одном бою мою машину подбили и подожгли, но весь экипаж и я остались живы и невредимы. Я представлен к правительственной награде, также и весь мой экипаж. Скоро опять получу новую машину и опять будем бить немцев до конца.

Привет всем. Жму руку и целую. Твой сын Владик.

26. 01. 44 г.

Привет с фронта! Здравствуй, дорогая мамочка! Здесь меня приняли в партию. Теперь я коммунист и буду еще лучше бить врага. Скоро получу орден Красной Звезды за прежние бои. Как видишь, я воюю не плохо и ты так же работай в тылу, как я воюю. Посылаю свою фотокарточку, правда, очень неудачную, потому что фотографировал не специалист этого дела.

ИЗ ПРИКАЗА № 024/Н
От 30 января 1944 года:

От имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть, мужество и отвагу НАГРАЖДАЮ:

орденом Красной Звезды мл. лейтенанта Пясецкого В. А.— командира орудия СУ-85 2-го танкового батальона.

Командир 13-й гвардейской танковой бригады полковник Л. И. БАУКОВ

Начальник штаба бригады подполковник Б. Н. ЧЕРНИС.

10 февраля 44 г.

Сынок, родной!

Сегодня тебе исполнилось 19 лет, и ты, мой мальчик, уже герой, с чем тебя поздравляю вдвойне. Письмо твое я получила, где ты пишешь, что представлен к правительственной награде. Я иначе тебя и не представляла, мой сынок должен быть героем. Ты, Владя, завоевал себе уже право на жизнь. Пиши, мой родной, чаще, если можешь, не забывай свою тоскующую мамку. Целую крепко и радуюсь и горжусь своим родным мальчиком. Жду тебя в гости в Москву. Целую.

Мама.

22. 02. 44.

Привет с фронта!

Здраствуй, дорогая мамочка! Не так давно мы наступали, и очень успешно, и прогнали фрицев из одного важного опорного пункта и города. С большой радостью мы услышали приказ т. Сталина 12. 2. 44 о присвоении нашей части наименования этого города и о награждении орденами. Я получил орден Красной Звезды и звание Гвардии. Наши части прочно закрепились на всех рубежах. Был полмесяца на отдыхе, но даже скучал без выстрелов, к которым так привык. Ну, а в общем живем и не унываем, как полагается танкистам.

Передай от меня горячий боевой привет Пане и всем знакомым. Пока до свидания. Жму руку и крепко целую. С приветом твой сын Владик.

ИЗ БОЕВОГО ДОНЕСЕНИЯ № 0165 КОМАНДИРУ 4 ГТКК. 11. 3. 44 г.

Бригада в составе двух танков Т-34 и четырех СУ-85 с десантом в количестве 80 человек, саперного взвода — 10 человек и взвода разведчиков — 20 человек в 5.30 9. 3. 44 г. внезапно ворвалась в город Тарнополь и в течение 9—10—11 3. 44 г. вела бой с противником на улицах города. Пехота была отрезана от наших танков огнем противника на северной окраине города. Таким образом, танки вели бой самостоятельно...

Москва, 40. Старобашиловский туп., дом 3, кв. 1. Пясецкой Я. К.

ИЗВЕЩЕНИЕ
от 10 марта 1944 года
№ 0103/44

Ваш сын, гвардии младший лейтенант ПЯСЕЦКИЙ Владимир Александрович, уроженец г. Москва, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 10 марта 1944 г. Похоронен в г. Тарнополе, ж. д. станция.

Командир 1-го Отдельного танкового батальона гвардии майор Мороз.

16. 3. 44 г. Здравствуйте, Ядвига Казимировна!

Пишет это письмо друг Вашего сына по училищу Никитин, тоже москвич. Я был друг его и счел долгом сообщить Вам, что сын Ваш погиб смертью героя в бою за город Тарнополь. В тот памятный день вместе с ним я шел в атаку. Мне в том бою удалось спастись со своим экипажем. Но мы еще отомстим за погибших товарищей.

Гвардии младший лейтенант Л. Никитин.

Эти документы и письма сохранил и принес в редакцию Ю. Лурье.

В мае сорок третьего на Воронежском фронте. **Фото А. Архипова**

НЕ ПОДВЕЛ ТАНКИСТ!

Уважаемая редакция!

Пишет вам бывший командир танка «Т-34» Варыгин Николай Федорович. Воевал я в составе 112-й ордена Ленина танковой бригады 6-го танкового корпуса. Был на Калининском фронте и на Курском выступе в районе Прохоровки, где проходили кровопролитные бои. Посылаю вам письмо к жене, написанное 17 июля 1943 года. Это мое последнее фронтовое письмо — 18 июля в 10 часов утра я был тяжело ранен: 24 осколка поразили обе ноги, правую руку и грудь. В настоящее время рука не действует, а ноги хоть и плохо, но двигаются. Снимков, к сожалению, у меня нет, так как в первый период войны, когда мы отступали, времени на фотографии не было, да и фотографов не очень-то было видно на передней линии.

Милок!

Итак, опять вернулся из боя невредим. Да, вот уже две недели подряд в боях и боях, не выходя! 15 июля 1943 г. для меня особенно был день жарким: десять атак одна за другой отбили. Десять напоров делали фашисты на наши рубежи, но ни на один шаг не потеснили наших назад. Наш танк, т. е. экипаж подбил и сжег три немецких танка. Это значит, три немецких «черепахи» не лазят по земле.

Ну, жизнь моя идет хорошо. Сегодня мы отдыхаем — целый день приводим в порядок машину, а завтра опять на передовую, встречать немцев всей мощью огня из нашей машины. Ну, после боя опять напишу тебе, если останусь жив. От тебя, Милок, ничего не получаю. Хочется, очень хочется получить из дома весточку.

Пиши чаще, чаще. Ведь будет мне веселее, когда я получу письмо из дома.

Целую крепко сына.

Целую тебя и жду скорой встречи.

Твой Коля.

17 июля 1943 года.

И еще одно письмо. Оно написано неделей раньше.

Милок!

Итак, опять вышел благополучно из боя. Враг бросает на нас огромное количество танков и авиации, в том числе пресловутые «Тигры», которыми он гордится. Но, Милок, против наших воинов не может устоять никакая техника фрицев. Наши танки бьют их смертным боем!

Ну, ты можешь сама представить, что вчера он бросил против нас в четыре-пять раз больше танков и в помощь им 80—100 самолетов. Но мы не пропустили врага, не дали прорвать фронт! Это помогает русская отвага! Русская душа!

Наш один русский солдат с парой гранат и противотанковым ружьем будет драться и победит немецкий танк «Тигр». Он победит потому, что ненавидит врага, и потому, что любит свою русскую землю. Ну вот, в основном описал, как наши дерутся.

А теперь кое-что о себе. Жизнь моя ничего, хорошая. Как видишь, раз из боя вышел невредим, значит, все в порядке. О себе все.

Милок! Ты пиши чаще письма и сообщай, что делается дома. Ведь у вас новостей больше, так как вы живете обычной жизнью.

Ну, привет Лене, Любови Ивановне, Марине, Тамаре, Вове. Целуй крепко-крепко сына. И сообщи, какой он, как растет, как выглядит? Не забыл о своем папе?

А теперь целую тебя крепко-крепко.

Твой и только твой Коля.

11. VII. 43 г.

Два слова о сегодняшнем дне моей семьи. Жена Тина Прокопьевна, как и я, на пенсии. Сын, которого я просил в письмах поцеловать, инженер-физик, работает заместителем главного инженера Смоленской атомной электростанции. Внук, родившийся в 1958 году, заканчивает Томский политехнический институт и получит диплом инженера-химика. Как видите, танкист Варыгин не зря дрался с фашизмом.

г. Сосновый Бор,
Ленинградская область.

А. БОЙКО

АКТРИСА С УДИВИТЕЛЬНОЙ БИОГРАФИЕЙ

Все дальше и дальше уходят от нас годы Великой Отечественной войны. Но и сегодня случается, что мы слышим удивительные военные истории. Слышим их от людей, которых знаем давно, но меньше всего «подозреваем», что им случилось быть не просто свидетелями, но участниками прошедших грозных событий.

Одну из таких историй я узнал от женщины, чье имя хорошо известно. Мы не раз видели ее на театральной сцене и на телеэкране, слышали в концертах. Но вот оказалось, что тринадцати лет от роду она была в смоленском партизанском отряде «Смерть фашизму». Война заставила ее забросить школьные книжки, научиться метко стрелять из пистолета и автомата, умело обращаться с противотанковой гранатой.

Когда отец ушел на фронт, а старший брат, учившийся в Ленинграде, попал в блокаду, Нина Исакова вместе с матерью, бабушкой и младшей сестренкой эвакуировалась из города Себежа, Псковской области, в деревушку Лепехи, что затерялась между Вязьмой и Юхновом, среди непроходимых смоленских лесов. Для организации будущего партизанского отряда здесь остался секретарь райкома Петр Карпович Шматков. Семья Исаковых — тайком от хозяев дома — прятала его в подполье.

— Я очень хорошо помню день, когда в те места пришли фашисты,— говорит Нина Сергеевна.— Это было 8 октября 1941 года, в тот день мне исполнилось тринадцать лет. Я стала выполнять роль связной: носила записки Петра Карповича по условленным адресам, делала нарукавники для партизан, которые иногда приходилось надевать форму полицаев. К ноябрю 1941 года партизанский отряд уже был сформирован. Вскоре его поддержал десант, и отряд стал настолько сильным, что в этом районе образовался как бы островок советской земли, с которым фашисты долгое время ничего не могли сделать. Помогали партизанам и дети: они были связными, разведчиками, ходили на поиски парашютистов, помогали стирать и кипятить бинты для перевязки раненых, шить маскировочные халаты... Короче, каждый делал, что мог.

— Когда же вы впервые выступили как певица? — спросил я у Нины Сергеевны.

— Мой «дебют» состоялся на боевой позиции у деревни Великополье, куда я приехала с «сольным концертом» специально. Правда, я и раньше выступала на привалах, но тут пришлось петь прямо под носом у врага. И едва я закончила песню, немцы начали нас обстреливать... Ночью я заново переживала свой «дебют», просыпаясь от кошмаров...

В мае сорок второго оккупанты бросили против партизанского отряда большие силы, прорвали нашу оборону. Группа партизан, примерно сто человек, оказалась отрезанной от отряда. В этой группе была и я с мамой, а бабушка с младшей сестренкой пропали. Об их судьбе мы долго ничего не знали... Днем мы отсиживались в зарослях, а ночью медленно пробирались вперед, пытаясь соединиться с отрядом. Весна была на редкость дождливая, но развести костер, чтобы отогреться и просушиться или сварить какую-нибудь пищу в походном котелке, значило рисковать жизнью. Ведь вражеские самолеты постоянно кружились над головой. Пшенные концентраты — единственную нашу пищу — жевали сырыми. Конечно, после такого обеда безумно хотелось пить. Особенно мучила жажда почему-то во время ночных переходов: бывало, припадешь к воде и оторваться не можешь... А в ней и мусор и головастики...

Было и так, что фашисты оказывались совсем рядом... И все же нам удалось прорваться и отыскать головной отряд, где, к счастью, оказались наша бабушка и сестренка.

Партизанам трудно было воевать, имея в отряде женщин и детей; решили, чтобы все дети и большинство женщин, разбившись на небольшие группы, разошлись по деревням. Однако каждый новый человек всегда привлекал в деревне внимание. А предатели-полицаи, стремясь выслужиться перед захватчиками, всегда были начеку: они избавлялись от пришлых «подозрительных» людей, в лучшем случае насильно отправляли их на каторжные работы в Германию...

Нам тоже недолго пришлось пожить деревенской жизнью: в феврале 1943 года всех «пришлых», в том числе и нашу семью, отвезли в Рославльский лагерь военнопленных; смерть была рядом... Совсем скоро началось наступление Красной Армии, но фашисты, отступая, хватали женщин и подростков, грузили, как скот, в вагоны-телятники и увозили в рабство. Для меня и моих родных началась самая страшная пора: нам пришлось побывать в лагерях смерти, и до сих пор кошмаром помнятся Ченстохов в Польше, Кестельнбах и Дармштадт в Германии. Эсэсовцы в Дармштадте устроили торговлю людьми: в концлагерь приезжали хозяева-бауэры, выбирали и покупали всех, кто им подойдет, цены колебались от 10—15 до 60 марок — в зависимости от возраста, пола, здоровья и даже национальности. Я недорого обошлась моему «хозяину»: за девочку пятнадцати лет он заплатил всего пятнадцать марок.

Но время шло. По ночам мы все чаще стали слышать далекие артиллерийские залпы. Ночь от ночи звучала все громче канонада. Как-то на рассвете мы услышали незнакомую речь: это были американские солдаты. Они освободили нас.

Среди американских солдат были поляки. Они-то и рассказали, что в Дармштадте имеется советское представительство: каждый, кто хочет вернуться на родину, должен подать туда письменное прошение. Я тут же составила список желающих, получила у военного коменданта пропуск и отправилась в наше представительство. Нас довольно скоро перебросили в район Эльбы, где в лесу под открытым небом были собраны тысячи людей различных национальностей. И у всех было самое праздничное, радостное настроение. Весна сорок пятого была счастливой. Казалось, одно лишь слово «победа» сразу делало больных здоровыми, старых — молодыми, а взрослых превращало в беспечных, радостных детей. Мы тут же создали творческую самодеятельную интернациональную бригаду, в ее работе принимала участие и я.

Однажды во время концерта нас неожиданно навестили бойцы Кантемировской дивизии. Среди них был баянист Василий Егорович Шейн; сейчас он живет на Украине, в Горловке. Он играл на баяне в военном ансамбле дивизии. Однажды после концерта баянист подошел ко мне и говорит: «Голос у тебя настоящий, иди-ка к нам в ансамбль!» Я ответила, что не могу: со мной ведь была семья, бабушка и сестра. «Ну, это не беда! Идите всей семьей». И что же: всех нас поставили на довольствие, а мне выдали военную форму, и стали мы служить в армейском ансамбле; дивизия наша тогда базировалась под Дрезденом. Позднее кантемировцы отправились в район Львова, а мы всей семьей возвратились наконец к себе домой.

...Во время одной из встреч с Ниной Сергеевной Исаковой мы рассматривали пожелтевшие уже документы тех незабываемых лет: фотографии и письма. Среди них была записка, датированная 27 сентября 1945 года и адресованная начальнику смоленского управления культуры Милееву. Вот ее содержание. «Убедительно прошу Вас,— писал бывший командир партизанского отряда,— оказать содействие бывшей партизанке моего отряда Нине Исаковой — она очень способный человек, и я уверен, что со временем из нее выйдет толк. Секретарь Смоленского обкома КПСС П. К. Шматков».

Прошли годы. Как показала жизнь, партизанский командир не ошибся. Нина Исакова его не подвела. Сразу же после войны она вернулась в музыкальную школу, а после нее поступила в Черниговское училище, где занималась сразу на двух факультетах — дирижерско-хоровом и сольного пения. И, наконец, Нина Сергеевна была принята в Московскую консерваторию. Ныне она народная артистка РСФСР, солистка Московского Академического музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, где успешно выступает уже много лет.

Народная артистка РСФСР Н. С. Исакова Фото Э. Эттингера

Фамиль МЕХТИ

СВЕТ В ОКНЕ

ИДУТ НЕФТЯННКИ

Идут нефтяники на смену
Сквозь парк приморский...
Как шальной,
На берег Каспий, брызжа пеной,
Волну бросает за волной.
Как тренировки альпинистов,
Их игры штормовой поры:
То лезут ввысь по кручам льдистым,
То в пропасть катятся с горы...
Валы воды
Встают, как стены,
В каспийских далях штормовых.
Идут нефтяники на смену
Друзьям на буровых морских.
С последней сигаретой
Будто
И страх в песок втоптавши свой,
Восходят на кораблик утлый,
У пирса спорящий с волной.
Платком
Им вслед помашет кто-то.
— Герои! —
Кто-то скажет вслед...
Для них —
Обычная работа,—
Примета наших
Славных лет!
Суденышком играют волны,
И матерям,
Как встарь, скорбеть,
Седую заповедь припомнив:
«Гора — опора,
Море — смерть!..»
Простор морской —
Борьбы арена
Стихии
С доблестью мужской,
Где шел успех попеременно
То к этой стороне,
То к той.
Немало смельчаков
Под пеной
Пучиною погребено...
Идут нефтяники на смену,
К штормам привыкшие давно.
Идут нефтяники,
Бывало,
На грозный глядя окоем,
И слава их,
Как парус алый,
Горит над штормом маяком.

ОДЕТЫЕ В ГРАНИТ

В селенье горном нашем,
На памяти моей,
Я был их братом младшим
По играм детских дней.
Безусыми их помню,
Но полными огня,
Когда им доверяли
Самим седлать коня.
И помню их смущенных,
Девчонок имена
Писавших на чинарах...
Но грянула война:
Отцы их
Ногу — в стремя,
И в битву, как один,
Сынам оставив младшим
В селе дела мужчин.
В беде мужают скоро.
Той памятной порой
Подросток каждый
В поле
Трудился, как герой,
В беде мужают скоро...
И вот приспело вам,
Юнцы,
Идти на помощь
Сражавшимся отцам.
Как раздались в плечах вы,
В свой срок
Взвалив сполна
Дней хлеборобских ношу,—
Сражалась вся страна!..
И мужеством
И силой
Вы Кероглу[1] под стать
В глазах любимых сверстниц
Давно успели стать.
Но протрубило время,
И на рассвете лет
Вы тоже
Ногу — в стремя,
И за отцами вслед!
Лишь письма,
Точно гости
Нечастые, от вас,
И каждое —
Как праздник
Для материнских глаз.
И каждое —
Надежда
Для девичьей души,
Страдающей в разлуке
Здесь, в тыловой глуши.
От ваших командиров
К нам шла
О вас хвала...
Ходили в красных шалях
Все женщины села,
Как бы огонь скликая
На головы врагов...
Шли письма из-под Курска,
С днепровских берегов
И от родной границы...
Все меньше было их,
Все меньше оставалось
Друзей моих
В живых,
Моих погодков старших —
Защитников страны,—
В полшаге от Победы
Иные сражены,
От счастья в полшаге,
К чему с боями шли
Под знаменем отваги
Сыны родной земли.
Знакомые до боли
Родимые края!
Здесь памятники павшим
Повсюду вижу я.
Знакомые ребята,
Одетые в гранит...
Как будто шли солдаты,
Уставшие от битв,
Шли к очагам родимым,
Вдаль устремляя взгляд,
Остановились в выси
И до сих пор стоят,
Прислушиваясь будто,
Как жизнь вокруг бурлит...
Родной земли солдаты,
Одетые в гранит.

[1] Кероглу — герой народного азербайджанского эпоса

ДЛЯ ЧЕГО ЖИВУ НА СВЕТЕ

Для чего живу на белом свете?
И услышал я души ответ:
— Ты, как сына,
Сироту приветил —
Стал на радость выше
Белый свет!..
Для чего живу на свете белом? —
Не вздохнуть порой от суеты...
— Ты сады на пустошах возделал,
Мир цветами украшаешь ты!..
Для чего живу на белом свете,
Коли смертный час неумолим?
— Дело рук твоих —
Заводы эти
И дома —
Останутся живым!..
Для чего живу на свете белом?
Без того он перенаселен...
— Новый мост возвел ты над ущельем,
Сблизив и людей,
И горы он!..
Для чего живу на белом свете?
Долетело эхом до меня:
— Родину свою
И всю планету
Спас ты от фашистского огня!..
Для чего живу на белом свете?
И вопрос нелегок,
И ответ —
Знать, чтоб счастье
На планете этой
Было общим,
Точно солнца свет.

КОГДА ОДИН...

Когда один иду я в гору,
Так высота спирает грудь,
Что от одышки тяжкой
В пору
И с полдороги повернуть.
Но если кто-то есть со мною,
То сил в душе
Прилив такой,
Сам словно становлюсь горою
До звездной сини вышиной!
Когда вдвоем с тоской своею
Испить надумаю вина,
От мысли лишь
О той затее
Хмелею тотчас допьяна.
А в добром дружеском застолье,
Где тостам всем потерян счет,
Душа,
Как птица на приволье,
Легко парить не устает...
Когда летящий одиноко
Журавль курлыкнет в небесах,
Себя пристроившимся сбоку
Не раз я представлял в мечтах
И утешающим в печали,
Как будто брата, журавля,
Чтоб не страшили птицу дали,
Не стала чуждой ей земля...
Доволен будь судьбой своею,
Познав сиротства горечь в срок,
Что, одинокого жалея,
Ты на земле
Не одинок!..

ЛУЧШЕ РАЗ УВИДЕТЬ

Поверил я —
Ахти же мне! —
Тому, что наплели
Вокруг чужого имени,
Что слышалось вдали.
«Он карьерист.
Лукавец он.
Он выжига и льстец...»
Ничем не оправдается
Тот, кто душой слепец,
Кто в наговор уверовал,
А истина
Не в счет:
«И под золою серою
Жар золотой живет...»
Дни шли путями долгими,
И вот
В недавний час
С тобою,
Зря оболганным,
Свели нежданно нас.
Рад встрече нашей нынешней,
Рад, что тревоги дня
На подозренье лишнее
Не вызвали меня,
Что были
Лишь наветами
Все слухи о тебе,
Как в лампе,
Будто света ты
Прибавил вдруг в судьбе
Своею стойкой верою:
Свет правды
Тьму пробьет! —
И под золою серою
Жар золотой живет...

СВЕТ В ОКНЕ

Не знаю улицы просторней
И дома, твоего светлей,
Наверно, вы со светом
Двойня
У доброй матери твоей.

Твой милый образ ясноокий
Навек вошел в мою мечту.
Стою напротив ваших окон
Я вечером,
Как на посту.

И жду, не отрывая взгляда,
Когда в них загорится свет,
Чтоб самому,
Как по команде,
Вмиг запылать душой в ответ.

Где б ни вились мои дорожки,
Твой свет всегда передо мной...
Влюбленному
И свет в окошке
Становится, как человек
Родной!..

Бывает,
Я душой завяну,
Коль в чем-то разуверюсь вдруг,
А под твое окошко встану —
И посветлеет все вокруг.

И оттого,
Что есть на свете
И ты,
И свет в окне твоем,
Душа моя,
Как факел, светит
Над миром в сумраке ночном.

Перевел с азербайджанского
Сергей ПОЛИКАРПОВ.

ДОНСКИЕ «ЖУРАВЛИКИ»

Дети — это наше будущее... А наш долг постараться... чтобы у них было спокойное, радостное детство.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Михаил АНДРИАСОВ, фото Алексея ГОСТЕВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Сколько ни бываешь в Волгодонске за эти последние пять лет, не перестаешь удивляться ему — так быстро растет он и изменяется. Ходишь по его улицам — и не узнаешь. И с радостью замечаешь: тут появилась школа, там детский сад, а здесь спортплощадка. Очень многое делается в городе для его маленьких граждан!

— Совершенно верно, — улыбнулся начальник областного штаба строительства «Атоммаша», председатель Ростовского облисполкома Николай Михайлович Иваницкий.— Волгодонск — город молодых: средний возраст жителя двадцать три года. Население его за пять последних лет выросло в четыре раза, и в первую очередь за счет самых юных его граждан. Главные жители города — дети, и именно они поставили перед строителями и атоммашевцами свои неотложные и острые проблемы...

Он вспомнил первые месяцы и первые годы «Атоммаша», когда задачей номер один было жилье для строителей «Атоммаша». Нелегкое, трудное это было время. Клич «Атоммаш» зовет!» прокатился по всей стране, и на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку приехали тысячи людей. В короткие сроки здесь встал завод и поднялся город, с красивой статью, весь устремленный в высоту, город юных.

Минувший семьдесят девятый год был Международным годом ребенка. Он повсеместно в нашей стране одарил детей новыми школами, санаториями, клубами, библиотеками, стадионами... Но то, что построено в Год ребенка в Волгодонске, заслуживает быть особо отмеченным...

По плану в 1979 году предполагалось построить три-четыре детских сада. Такое же количество в восьмидесятом и в каждом последующем.

Жизнь внесла серьезные коррективы в эти планы: не три-четыре садика, а девять и даже десять. И не просто детских комбинатов, как их называют в сводках, а настоящих, я бы сказал, ребячьих дворцов. Так в Волгодонске в минувшем году появились «Казачок», «Журавлик», «Чебурашка», «Радуга», «Дельфинчик» и «Мишутка»... Если совсем недавно очередь жаждущих попасть в детские сады исчислялась тысячами, то теперь она резко, в десятки раз, сократилась.

Заглянем в один из таких детских комбинатов, хотя бы в «Казачок»... Двухэтажное просторное здание. Все сделано так, чтобы маленьким было интересно, уютно и весело, чтобы детишкам не хотелось отсюда уходить. У ребят такое ощущение, будто они попали в сказку, будто их окружает волшебный мир...

За большими и светлыми окнами лютый мороз, высоченные сугробы снега, а тут, в зимнем саду — лето, легко одетые ребятишки и море цветов: бегонии, кливии, традесканции, аспарагус... Тут мы и познакомились с четырехлетними хозяевами этого райского уголка — Ирой Кухтенко, Снежаной Хуторненко, Васей Машенсковым, Сережей Цукановым... Это дети рабочих завода. Сегодня их черед дежурить. Старательно и заботливо малыши поливают цветы.

Рядом с зимним садом прекрасный плавательный бассейн, выложенный красочной мозаикой. Малышам тут раздолье — игра с мячами, подогретая донская вода.

— А у нас в группе есть аквариум, — доложил нам Женя Загребельный. — И там рыбки.

— Наши ясли-сад, — сказала заведующая детским садом «Казачок» Майя Михайловна Глаголевская, — живут первый год, но у нас уже сложился дружный и квалифицированный коллектив воспитателей. Они знают детей, любят их, заботятся о них. И дети тянутся к ним. Вот, например, Галина Владимировна Збицкая. Родилась в Караганде. Потом ее отец работал парторгом в совхозе «Красногвардейский» Целиноградской области. Там же пошла в школу, позже училась в Целиноградском пединституте. Там же и замуж вышла за инженера Виктора Збицкого. Как-то Виктор гостил на Дону, увидел атоммашевскую стройку, вернулся и объявил жене: «Галочка, мы едем на «Атоммаш»...» И вот они оба здесь. Виктор Владимирович работает в управлении капитального строительства, тоже служит самым маленьким, строит для них ясли-детсады...

Жизнь в яслях-детсадах построена так: сюда малыши приходят годовалыми; трехлетними переходят на второй этаж — в детсад, семилетними уходят отсюда в школу. Симпатии ребят завоевали и воспитательница Любовь Эдуардовна Воробуева, и методист Любовь Дмитриевна Жерновая, и старшая медсестра Нина Николаевна Ковалева... Да разве всех перечислишь?! Все они — и воспитатели, и поварихи, и няни — относятся к ребятам, как к своим.

Вечером, когда родители пришли за детьми, мы познакомились с Тамарой Митрофановной и Валерием Павловичем Дорофеевыми. Оба учились в Москве. Оба инженеры. Оба на «Атоммаше». Он начальник отдела в управлении технического контроля. Она инженер-конструктор отдела надежности завода. В детском саду их пятилетний сын Юрик.

— Мы очень довольны «Казачком». А Юру отсюда просто не вытянешь...

И дом, в котором живут Дорофеевы, тоже их вполне устраивает: квартира удобная, благоустроенная, в ней три комнаты...

Прощаясь, инженер снова говорит о детском саде Юрика:

— Лучшего и желать не надо. «Казачок» — умный и доброжелательный друг нашего мальчика. Спасибо строителям Волгодонска и трудящимся Ленинского района города Ростова-на-Дону, которые крепко помогли рождению нашего детсада.

В «Казачке» воспитывается и знаменитый гражданин Волгодонска Володя Мезинов. А знаменит он вот чем: родился в мае 1978 года и оказался стотысячным жителем юного города. О нем говорят, пишут в местных газетах, фотографируют... Родители «стотысячного», как все называют Володю,— рабочие. И отец и мать — крановщики. Папа — Александр Борисович — автокрановщик, а мама — Надежда Васильевна — управляет самым мощным в главном корпусе «Атоммаша» краном.

В «Казачке» нередко бывают гости из других городов. Обычно им показывают и школу № 16. Ее трехэтажное здание построено по новейшему проекту. Тут учится тысяча двести ребят. Около пятидесяти просторных, светлых классов и учебных кабинетов. Два спортивных зала. Один — поменьше, для малышей. Актовый зал. Кабинеты домоводства, трудового обучения, богатая библиотека, тир. Учительница Клавдия Илларионовна Никитас учит десятиклассниц шить, кроить и готовить различные блюда. Девочки изучают швейные машины, технологию швейного производства. Уроки труда у мальчиков ведет Валерий Николаевич Косятов. Ребята учатся работать на станках. Надежда Даниловна Гох преподает пение. Муж ее Василий Васильевич Гох в этой же школе преподает уроки эстетики. А их дочь Свету из четвертого класса все в школе знают как признанную запевалу хора.

Школа, о которой мы рассказали, построена в подарок строителям «Атоммаша» трудящимися Кировского и Октябрьского районов Ростова-на-Дону. На фасаде крупные золотые буквы: «Школа имени города Ростова».

Всенародная помощь атоммашевцам стала традиционной. Ростовчане, помимо шестнадцатой школы, построили в Волгодонске три детских сада. По одному детсаду построили коллективы трудящихся других городов Дона — Шахт, Каменска, Гукова...

Все доброе, все лучшее волгодонцы отдают детям. Две музыкальные школы, большой магазин «Детский мир», новое здание родильного корпуса, детская больница, две спортивные школы, станция юных техников, детское кафе «Сказка», новая хоккейная площадка... И невольно говоришь себе: «Да разве все перечислишь?»

В Волгодонске построено много яслей-садов. Но особо хочется сказать хотя бы два слова о яслях-саде «Журавлик». Этот «Журавлик» «родился» в ноябре семьдесят девятого.

Спору нет — «Казачок» хорош, но похоже, что «Журавлик» развернется еще щедрее. Огромный зимний сад под обширным стеклянным куполом. В холодные дни здесь не только светло, но и тепло от солнечных лучей. На территории этой роскошной детской усадьбы будет мини-стадион, площадка для обучения детей правилам дорожного движения, огород, на грядках которого ребята сами будут выращивать овощи...

Построило «Журавлик» Управление «Заводстроя» треста «Волгодонскэнергострой». Помогали ему трудящиеся Железнодорожного района Ростова.

Заместитель председателя постройкома «Заводстроя» Елизавета Васильевна Беденко делится радостью:

— С появлением «Журавлика» мы полностью удовлетворили потребности нашего коллектива в детских учреждениях. Больше того, мы даже приняли в «Журавлик» группу ребятишек, чьи родители трудятся в других подразделениях треста.

...Видишь, как много за последнее время получили в Волгодонске самые маленькие граждане города, и невольно думаешь о том, что в таких масштабных и добрых делах и проявляется реализация ленинского завета: все лучшее — детям.

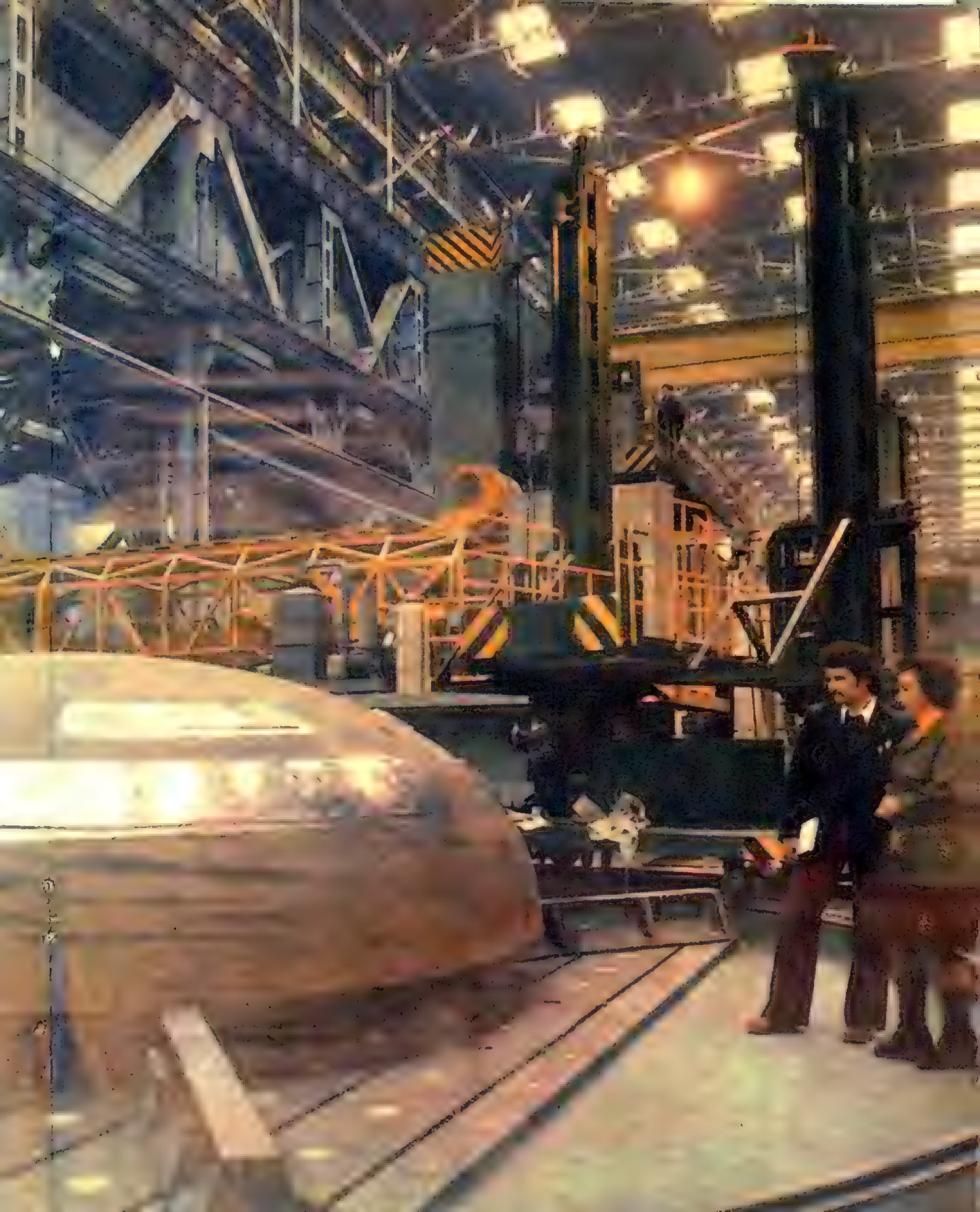
●

Володю Мезинова знает весь Волгодонск — он стотысячный житель этого прекрасного города. На прогулке — вся семья: Володя с мамой, папой и сестрой Леной * Новостройки Волгодонска.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Хорошо спится ребятам в детском саду «Казачок» после веселых игр и катаний с горки * Заканчивается обработка днища будущего реактора.

АТОММАШУ РАБОТАТЬ НА МИР

С. МАРИЕВ

ОКНО В МИР ИЗОБРЕТЕНИЙ

ЛЫЖИ С ПОДОГРЕВОМ

Очень часто причуды погоды путают карты спортсменам. Если дневной перепад температуры составляет 10—12 градусов, да еще к тому же проходит через «ноль» — какая уж там лыжня!

Но, впрочем, и тут есть выход. Для любой погоды имеется своя мазь, и арсенал ее достаточно велик. Правда, для того, чтобы лыжи скользили хорошо, необходимо наносить мазь на скользящую поверхность ровным слоем. А это можно сделать только при условии, если лыжи теплые. Можно, конечно, нагреть их дома и намазать, но пока выберешься за город — потребуется уже другая мазь.

Чтобы при любой температуре лыжи скользили хорошо, изобретатели — три брата Егоренковы и В. Сафонов — нашли оригинальное решение. Используя многослойные лыжи, которые выпускает наша промышленность, они предложили один из внутренних слоев сделать из стеклопластика с токопроводящим наполнителем. С помощью специальных контактов токопроводящий наполнитель может быть соединен с источником электроэнергии. Связанные через шины с клеммами, контакты смонтированы в верхнем слое. Источником же электроэнергии служит портативный аккумулятор или батарейка.

Есть также вариант многослойных лыж, выполненных из пластика. В них аккумулятор, как источник энергии, вмонтирован в саму полость. Мазь теперь ложится ровным слоем.

Новое изобретение придется по вкусу спортсменам и любителям лыжных походов.

ТРЕЩИНА В «БРОНЕ» ВИРУСА

Если бы ученые точно знали механизм проникновения вируса в ткань человеческого организма, скольких болезней можно было бы избежать! Вероятно, именно так когда-нибудь и будет, но пока... Пока исследователи шаг за шагом ищут трещины в «броне» возбудителя инфекционных заболеваний.

Недавно ученые сделали важное открытие в этой области. Его авторы — научные сотрудники Института вирусологии имени Д. И. Ивановского доктор медицинских наук Алла Григорьевна Букринская и кандидат медицинских наук Галина Константиновна Воркунова. Я встретился с Аллой Григорьевной Букринской вскоре после того, как открытие было зарегистрировано.

— Сам по себе вирус не активен, но если при каких-то обстоятельствах он оказывается на чувствительной ткани человеческого организма, — скажем, на слизистой оболочке дыхательных путей, — немедленно проявляется его агрессивность, — рассказывает Алла Григорьевна. — Происходит это потому, что нуклеиновая кислота — генетическая основа простейшего вируса — проникает в глубь клетки, в которой сразу же нарушаются нормальные процессы обмена веществ. Начинается как бы «расширенное воспроизводство» тысяч и тысяч вирусных молекул. Они заражают новые здоровые клетки. Так инфекция стремительно распространяется по всему организму.

Раньше думали, что в клетку проникает только жгутик нуклеиновой кислоты, а ее белковые оболочки в процессе перенесения инфекции не участвуют, разрушаются. Однако это не так. Нуклеиновая кислота проникает в клетку в белковой оболочке, которая, словно броня, защищает генетический аппарат возбудителя болезни. Кроме того, «броня» регулирует процесс воспроизводства вирусных молекул в зараженной клетке.

— Этот процесс изучается с помощью радиоактивных изотопов, — продолжает Алла Григорьевна. — Меченые атомы как бы сигналят о пути движения вируса. Галина Константиновна Воркутова впервые в стране освоила новый метод наблюдения за молекулами в процессе их деления. Исследования с помощью изотопов дали очень важный результат: если уничтожить белковую оболочку, то погибает и сам вирус.

Открытием советских ученых сделан важный шаг в решении проблемы борьбы с инфекционными заболеваниями.

НЕОБЫЧНАЯ ЗАПЧАСТЬ...

Допустим, вы автолюбитель. Что вы имеете в багажнике про запас? Ну, естественно, колесо, свечи, может быть, карбюратор, разные прокладки, ну, бензонасос, наконец. А если разбилось на дороге стекло? Где достать новое?

Владельцы «Запорожцев», кроме запасного колеса, смогут иметь еще и запасное стекло. Оно состоит из пластины оргстекла толщиной до одного миллиметра, которая повторяет контур оконного проема лобового стекла кузова. Кромка пластины вклеена в рамку, которая изготовлена из гибкой пластмассы.

Вставил такое лобовое «стекло», и поезжай себе спокойно до ближайшей станции обслуживания. А когда надобность отпадет, «стекло» вынимают и свертывают в рулон. Скрепленный упаковочной лентой, он в багажнике почти не занимает места.

ФИЛЬТР-БОГАТЫРЬ

Даже не посвященному в таинства металлообработки человеку известно: ни одним инструментом, который режет металл, нельзя работать без охлаждающей жидкости — металл не выдержит высокой температуры.

В процессе работы эта жидкость загрязняется, что снижает качество обработки металла. Кроме того, сброшенная потом в водоемы, она порождает длинную цепочку нежелательных явлений в окружающей среде.

Как же сделать, чтобы жидкость в процессе металлообработки сохраняла свою, требуемую техническими условиями чистоту и не загрязняла водоемы?

Ответ на этот вопрос нашли ученые Харьковского научно-исследовательского института химического машиностроения. Они разработали автоматический фильтр, который дает практически стопроцентную очистку жидкости от всех механических примесей. Исследования показали, что фрезы, работающей на загрязненной жидкости, хватает лишь на 135 деталей. Зато такая же фреза, охлажденная жидкостью, прошедшая через этот фильтр, выдерживает обработку 1100 деталей. Управление фильтром полностью автоматизировано.

Всесоюзное объединение «Лицензинторг» предлагает это изобретение советских ученых в качестве экспорта за границу. Фильтры уже запатентованы в США, Англии, Франции, Швеции, Италии, Бельгии и многих других странах.

ИЗОБРЕТЕНО, НО...

— Мой сосед — инвалид, — доверительно рассказывает мне Петр Николаевич Васильченко, по профессии инженер, а по натуре изобретатель. — Так вот, получил он автомобиль. Однако радость его была омрачена тем, что в морозные зимние дни он постоянно мучился с заводкой. Я решил ему помочь. Предложил ввести в систему зажигания специальное устройство — резонансный колебательный контур, или стабилизатор тока. Двигатель от такого аккумулятора должен заводиться с «пол-оборота».

Заявку на свое изобретение П. Н. Васильченко подал в марте 1968 года, и лишь через четыре года Госкомитет Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий выдал ему авторское свидетельство.

После этого система, предложенная Васильченко, была значительно усовершенствована им самим. Однако два опытных образца, успешно испытанные в лабораторных условиях, до сих пор терпеливо ждут решения своей дальнейшей судьбы.

Наш упрек в данном конкретном случае относится к Министерству автомобильной промышленности СССР. Интересно, что думают по этому поводу его руководители?

ВСЕЙ СТРАНЕ ПРИМЕР

Как это говорится: что ни город, то норов? Да, у всякого города свой характер, свой норов, свои отличительные черты... Но когда пытаешься даже со всей этой суммой мерок подойти к Москве, то вскоре становится понятным: привычными определениями Москву не охарактеризовать.

В этом лишь убеждаешься, знакомясь с небольшой, добротно оформленной, щедрой на факты книгой, которую поначалу я взял лишь для того, чтобы полистать. Но вскоре так увлекся, что тут же, залпом, прочитал книжку.

Ведь интересно, согласитесь, узнать о разработке генеральной схемы развития промышленности города на 1981—1990 годы. О том, что эта схема охватывает 630 объединений, заводов и фабрик, узнать о новых домах и магистралях, поговорить о садах и памятниках, познакомиться с интересными людьми...

Автор книги В. Шаповалов хорошо знает, о чем он пишет, и умеет увлечь интересным фактом и деталью. Среди них упоминание о 140-метровом переходе с движущимися тротуарами (его проложат под Садовым кольцом) и рассказ о заповедных зонах, а по сути, о музеях под открытым небом — музеях, которым предстоит собрать лучшие памятники русской архитектуры, культуры и искусства... «На Волхонке намечается возвести новое здание Музея В. И. Ленина, которое явится уникальным монументальным сооружением» — это тоже строки из книги.

Новые сооружения, новые изделия московской промышленности, новые свершения москвичей. На страницах книги часто встречается слово «новое». Оно стало понятием, характеризующим не только стройки города, но и чем-то передающим ритм жизни столицы, подчеркивающим динамизм его, новаторскую суть, его дела и свершения. На каждой странице книги чувствуется не только авторское знание, но еще увлеченность, которой он делится с читателями, говоря о городе — образце для всей страны.

К. БАРЫКИН

В. С. Шаповалов. Образец для всей страны. М., Политиздат, 1979, 160 с.

◄ Песню о родном городе исполняют ребята из школы № 16 * Казачий хор станицы Романовской выступает прямо на улице * Учительница Т. К. Шумилина со своими первоклашками * Мороз Алене нипочем! * Не такое это простое дело — поливать цветы * «Здравствуйте! Мы — «журавлики»! — приветствуют гостей ребята из детского сада.

Розалия ЕРМОЛЬЕВА

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

Анфиса проснулась с чувством тяжести на душе. Приснился свекор, которого знала только по рассказам да по фотографии, висевшей на стенке среди множества других.

— Царство ему небесное! — прошептала она с испугом.— К чему бы это?

В детстве Анфиса слыхала от бабки, что покойники снятся к дождю или к снегу либо когда помина ждут. А еще старухи сказывали, будто приснившийся покойничек к себе зазывает. Глубоко запали в память предсказания и вот всплыли.

Анфиса в бога не верила, но все, что передавалось из поколения в поколение, накладывало на нее отпечаток. Вот и вырвалось слово, часто от старых людей слышимое.

Медленно светает за окном. Моросит мелкий осенний дождичек. «Видно, и впрямь приснился покойник к дождю»,— решила про себя Анфиса.

Она встала с кровати, где еще, посапывая, досматривал свой сон Тимофей, муж Анфисы. Не одеваясь, прямо в самотканой ночной сорочке до самых пят, доставшейся от матери, она направилась к двери, где на табуретке стояло ведро с водой, хотела было зачерпнуть ковшом, но, увидев, что воды только что на дне, накинула на плечи платок, подхватила ведро и, тихо скрипнув дверью, вышла во двор.

Было начало осени. Уже забагровела листва на деревьях, зачастили дожди, но еще теплые, прогретые солнцем.

Анфиса любит вставать рано. И частенько доказывает приезжающему к ним на отдых из Владивостока Ивану Трофимычу Маслову, что он многое теряет, просыпаясь поздно.

— Даже дождливое утро хорошо по-своему. Вдохнешь свежего воздуха — и разольется по всему телу что-то бодрое, живительное, ни с чем не сравнимое.

— Да где уж нам, горожанам, угнаться за вами! — отшучивается Маслов, рабочий с судоремонтного завода.— Мы погоду больше по крышам домов определяем. Мокрая — значит, на улице дождь, белая — зима пришла.

Анфиса спустилась по ступенькам крыльца, глубоко вдохнула сыроватый воздух и, прямая, словно натянутая струна, направилась к колодцу, подставив лицо каплям дождя. «Пусть умывает,— подумала она.— Вода мягкая, чистая, небесная».

Налетевший ветерок прилепил рубашку к теплому телу, обтянул крутые бедра. Завитки черных вьющихся волос намокли и приклеились к широкому лбу. Было приятно ступать босиком по мягкой мокрой траве, тонкие стебельки которой цеплялись за лодыжки, а меж пальцев ног хлюпала прохладная влага.

Во всей деревеньке только у них и сохранился «журавль» — единственная реликвия Барсуковых. Родовой дом сгорел, на его месте выстроили новый, за высоким забором, а колодец уцелел и поит одно поколение за другим своей студеной водой. В деревне так и говорят, что холоднее воды ни у кого нет, да и по вкусу она отличается.

Злые бабьи языки болтают, что взгляд Анфисы воде под стать: «Глянет, точно холодной водой окатит!» А все оттого, что не любит даром языком трепать и других не слушает.

Есть у Анфисы любимое занятие: собирать лекарственные травы, корни. Знает, что чем лечить. Этому ее бабка еще с детства научила. Ходили вместе по лугам да по лесам, искали, потом сушили травы и коренья, а из них отвары и настои готовили. Вот и теперь, как приходит пора, отправляется за «кладом» здоровья. Люди к ней потянулись каждый со своей хворобой. И нарекли ее знахаркой, а бабы Заманихой прозвали — кустарничек есть такой.

Вот и Ивана Трофимыча заманила. Повадился к ним каждый год приезжать и не как все дачники, летом, а осенью, в то время, когда Анфиса заготовку корней делает и настой приготовляет.

Чего только бабы не плетут! Зато мужики в деревне Анфису в пример своим женам ставят: и красивая, и работящая, и детей кучу нарожала.

Бабы злились и с насмешкой мужьям отвечали:

— И чего в ней хорошего? Идет, словно аршин проглотила!

А было в ней что-то такое, что не сразу и разглядишь. Красота шла от движения, от неслышно скользящей походки, от стройного стана, от проворно работающих рук, от немногословного мягкого говора. Все это она унаследовала от матери, предки которой жили когда-то на просторах донецких степей, и неизвестно каким образом занесло их на Дальний Восток, в Приморский край.

Анфиса подошла к колодцу, зацепила ведро за крючок и, чуть наклонившись вперед, стала перебирать руками длинную цепочку. Шест медленно отвешивал поклон своей хозяйке. Поприветствовав с добрым утром, вытянул ведро из глубокого, темного отверстия колодца и, слегка раскачивая, плеснул холодной водой на босые ноги Анфисы.

На крыльце показался заспанный Тимофей. Он потянулся спросонья и, посмотрев на Анфису, прокричал:

— Постой! Сколько раз тебе говорить? Не смей таскать воду! — И, высоко поднимая ноги, как бы боясь замочить их о мокрую траву, поскакал к колодцу.

— Оделся бы, одна срамота! — рассмеялась Анфиса, наблюдая, как муж в кальсонах и рубашке навыпуск бежит по двору.

Вместо ведра он подхватил Анфису и, оторвав от земли, закружил вокруг себя.

— Пусти, бугай, раздавишь! — И она, смеясь, стала колотить мужа кулаками по широкой, крепкой спине.— Отпусти, говорю, надорвешься, сумасшедший!

— Ну и пусть,— ответил Тимофей. Чмокнул жену мокрыми от дождя губами и скомандовал:

— А ну, марш домой! Смотри, вся до нитки промокла, баловница!

В доме уже проснулись дети. Их было трое — и все мальчишки, один другого меньше. Тимофей гордился ими. Что же касается Анфисы, то она заявляла: «Буду рожать до тех пор, пока дочь не появится».

Дети, не успев натянуть на себя одежонку, затеяли драку. Младший сидел на полу и ревел на весь дом.

— Максимка, успокой Николку,— сказала Анфиса старшему сыну и прошла за перегородку, где стояла кровать, сделанная еще покойным свекром.

Расправила постель, застелила ее вязанным из белых ниток покрывалом и, соорудив из нескольких подушек пирамиду, Анфиса стала переодеваться.

Она сбросила с себя мокрую от дождя сорочку и оказалась совсем нагая. Крепкое, еще не обрюзгшее в тридцать три года тело отразилось в зеркале шкафа.

Анфиса медленно провела рукой по слегка округлому животу. «Хоть бы девочка!» — подумала про себя. Только она да Тимофей знали, что бьется под сердцем Анфисы новая жизнь. Они никому еще не говорили об этом, люди и без того завидуют им. В деревне друг о друге знают все, ничего не утаишь, но пусть лучше сами заметят, решила Анфиса. Ходила она всегда аккуратно, и только месяца за три до родов узнавали, что Барсуковы ждут прибавления семейства.

▪

Тимофей Максимович Барсуков отслужил в свое время на флоте, вернулся в родное село и осел в нем по-хозяйски, надолго.

За войну погибли на фронте два его брата. До него очередь не дошла, малой еще был. Отец с матерью только на него и надеялись: будет кому хозяйство оставить, а помрут, так могиле не даст зарасти.

Во время службы на флоте Тимофей многому научился, мог бы и в городе где-то остаться, а его по дедовской привычке к земле потянуло.

— Как жить думаешь, сынок? — спросил отец Максим Поликарпович, когда собрались гости по случаю возвращения Тимофея домой.

— Учиться, батя, решил.

— Значит, в город нацелился, бежать из родного дома удумал?

— А разве здесь ученые не нужны?

— Академик в нашей деревне вроде бы не требуется,— сухо ответил отец.

— До академика мне далеко. Для начала хочу посредником между человеком и лесом стать. Тянет меня, батя, в лесничество,— лесоводом вот решил стать.

Отец обхватил рукой широкую спину сына, и, повеселев, сказал:

— Это по-нашенски.

— Батюшки! — всплеснула мать руками.— Так ведь он в город уедет, ему же дальше учиться надо, а ты, старый дурень, радуешься.

Отец призадумался, посмотрел из-под седых густых бровей на сына.

— Неучем, мать, только детей можно рожать! А вот вырастить ребенка в настоящего человека трудно, с ним повозиться надо. Долго ждали мы, пока дети повырастают, долго ждет и лесничий, покуда вырастет, зашумит зеленой кроной лес. Иногда и целой жизни не хватит. Без знаний в наши дни лесоводом не станешь. Пущай учится, ежели надумал.

И Х А

Тимофей слушал отца, радовался в душе, что тот с ним согласен. Одно плохо, состарились родители и от долгой жизни и от похоронок, что с фронта приходили. Под семьдесят старикам уже, от него подмогу в доме ждали, а он опять уехать должен. Подумал, подумал Тимофей и вдруг просиял весь.

— Так я от вас и не собираюсь уезжать! — сказал он. И, подойдя к матери, прижал ее старенькое, испещренное морщинками лицо к своему плечу.

— Как же так, сынок? — прошептали ее высохшие, вытянувшиеся в одну линию губы.

— На заочное отделение подамся. И учиться и работать буду.

Глаза матери просветлели. Она поправила сбившийся на голове белый платочек, завязала его на шее двумя узелками.

— Ох, спасибо тебе, сынок! — И, наклонив его голову к своему лицу, поцеловала в лоб.

Оформился Тимофей на заочное отделение лесотехнического техникума. А на работу в ремонтные мастерские поступил. Днем там, а вечером за книжками, так и пошла жизнь.

Время у Тимофея распределилось по минутам, в клуб сельский сходить и то некогда. Только на семинары да на сдачу курсовых работ в город выбирается. На обратном пути дня на два, на три в райцентре задержится.

Зимой заболел у Тимофея отец. Всегда крепкий, как из дуба вытесан был, а тут взял да и свалился. За несколько дней с лица спал, глаза глубоко осели в глазницах, мокрая тряпка, которую мать то и дело прикладывала ко лбу, высыхала быстро.

Врачи поставили диагноз: двустороннее воспаление легких. Хотели в больницу увезти, но он наотрез отказался.

— Родился я на этой кровати, на ней и помру. Видно, час мой настал. Засиделся я на этом свете. Мои сверстнички давно уж там, а я ухитрился сыновей пережить.

Тимофей уговаривал отца врачей слушать, а мать тихонько всхлипывала и украдкой от мужа утирала слезы кончиком головного платка.

За неделю сгорел Максим Поликарпович. Тихо снесли его на погост и опустили в могилу возле молодой березки. Остались Тимофей с матерью одни в большом доме. Даже сверчок, незадолго до этого появившийся, и тот смолк.

Смерть мужа отобрала у Марии Карповны сразу лет пяток. Чуть заря займется, еле переставляя ноги, опираясь на посох, ковыляет она к могиле мужа на поклон. Придет к небольшому холмику, обложенному зеленым дерном, припадет к нему головой и говорит:

— Зачем же ты меня покинул, Максимушка? И почто я раньше тебя не померла, за что ты меня так наказал? Лежали бы сейчас рядышком, как всю жизнь прожили. Господи, забери ты меня и положи рядом с Максимушкой!

Тимофей не трогал мать. Пусть поплачет. Надо иногда человеку выплакаться, а они какникак полвека вместе по земле прошагали.

Сам Тимофей ходил сумрачный. Глядел на мать — и сердце щемило. Горе отодвинуло сына на второй план, словно забыла о нем мать, горько причитая над могилой.

После сорока дней Тимофей сказал матери, что в город едет. Она вздрогнула, как бы проснулась от долгого сна и посмотрела на сына помутневшими глазами.

— Тимошенька, неужто и ты меня покинуть надумал?

— Нет, мама, сессия у меня.

— А я уж решила — совсем,— вздохнула Мария Карповна.— Тебе бы жениться. Вон сколько невест подросло. Дети пойдут, гляди, и я еще сгожусь.

— Сначала учеба,— ответил Тимофей.

Время, что вода в реке, не стоит на месте. Не только с дипломом техника-лесовода, но и с женой вернулся Тимофей Барсуков в отчий дом.

Всего на два года Анфиса старше Тимофея, а горькую чашу судьбы испить успела. Красив, умен, при должности был первый муж. Всем, кажется, под стать Анфисе, а вот не ужились.

Любил Краснов на каждом слове себя восхвалять. Что ни слово, все «я» да «я». Фамилию свою и то расшифровал в свою пользу: Краснов — красный, красен, красавец, чего только не придумывал. Красовался собой и перед зеркалом, и перед людьми, и перед Анфисой. Надоело ей все это, она ему однажды и выпалила:

— Иди-ка ты, поищи себе Василису Прекрасную! Пусть она тебя уму-разуму научит, а я и без твоей фамилии буду дева-краса! — Собрала свою одежонку и вернулась к родителям.

Устроилась Анфиса машинисткой в райкоме комсомола. Там и с Барсуковым познакомилась, когда он на комсомольский учет становился. Приглянулась Анфиса Тимофею. И завязалась у них дружба не на шутку.

...Мария Карповна приняла сноху с оглядкой. Недовольства своего не высказывала, но и объятий не раскрывала.

«Как-никак, а чужой человек,— думала про себя.— Нет бы из своей деревни кого выбрал, здесь каждый известен, а эту кто знает?» — Вздыхала, приглядываясь к Анфисе.

С появлением первого внука сердце Марии Карповны смягчилось. Засуетилась, забегала, на невестку стала посматривать мягче. Первенца назвали в честь деда Максимом.

Анфиса ходила счастливая, гордая. Расцвела от материнского счастья. Угодила мужу. Сказала: «Сына рожу» — и родила. За первым пошли еще дети, так и привязали ее к дому. Одно плохо, ненадолго пережила Мария Карповна мужа. Вскоре и она покинула дом навсегда.

II

В этот вечер засиделись допоздна. Приехавший в отпуск Иван Трофимыч Маслов рассказывал о своем судоремонтном заводе.

— Вы на меня не обижаетесь, что повадился к вам каждый год приезжать? В санатории ездить не люблю, шумно там, а у вас, как в родной семье. Дети вокруг бегают, да и заманиха Анфисы Тихоновны здорово мне помогает.

— Приезжайте, дом большой, всем места хватит, да и нам веселее,— ответил Тимофей.

Барсукова волновали свои заботы, и он рассказывал о них:

— Лес — это как бы большой город, а деревья, как люди. У каждого свой характер, к каждому особое внимание требуется. Дерево надо не только посадить, но и вырастить.

Мечтает Тимофей Максимович о теплицах, в которых семена быстрее прорастают, а значит, и срок роста самого дерева сокращается. Лесничество их занимается главным образом выращиванием хвойных пород.

Плодоносят хвойные деревья после двадцатилетнего возраста и достигают к этому времени высоты многоэтажного дома. Вот и работают сборщики семян, как верхолазы. Собирают за смену по десять, пятнадцать килограммов шишек. Очистят и получат до двухсот граммов сосновых семян, а для посева на один гектар их требуется килограмм. К тому же урожай хвойных шишек не каждый год бывает. Иногда раз в три года, а то и в пять лет.

— Ложились бы спать! — вмешалась в их разговор Анфиса.— А то завтра проспите.

На завтрашний день у каждого свои планы намечены.

На этот раз Тимофей Барсуков снарядил несколько подвод и поехал в тайгу поглубже за кедровыми шишками. Началось шишкование. Женщины за виноградом да за травами разбрелись, а Анфиса с «полюбовником», как шутя называли в деревне Маслова, за заманихой.

Анфиса шла впереди по узкой стежке. За ней, приотстав на несколько шагов, не спеша шел Маслов. Разговаривали о жизни.

— И чего только в ней не бывает! И свои повороты, и кочки, и канавки. Случается, и гладко, но я считаю, что такой участок невелик,— рассуждал Иван Трофимыч.— Едешь, едешь, трясет тебя помаленьку, где-то выйдешь на прямую, как вдруг снова наскочишь на кем-то брошенный камень — и вновь тебя встряхнет.

Вот так, Анфиса Тихоновна, и у меня было. Ровная дорога вела меня до того дня, пока не прогремел взрыв первой бомбы, сброшенной с самолета на соседнюю улицу... Старинное здание, в котором был размещен горисполком, превратилось в груду развалин.

В шестнадцать лет передо мной выросло первое препятствие, а вместе с ним и оборвалось детство. Отец вступил в отряд ополченцев, а я с матерью и сестренкой был эвакуирован в Сибирь.

Через два года попал на фронт. Рыл как-то я окоп, и жизнь моя чуть было не оборвалась совсем. Меня сильно контузило, в правом легком застряя осколок, а другой задел «черепок».

Меня отправили в медсанбат, а затем покатилось мое колесо все дальше и дальше от передовой. Кочевал из одного госпиталя в другой. Спасибо людям в белых халатах, они-то и сохранили мне жизнь.

Анфиса слушала, не перебивала, не задавала вопросов. Они подошли к густым зарослям орешника, круто обвитого диким виноградом. Иван Трофимыч раздвинул руками кусты, вошел вовнутрь, как в шалаш.

— Анфиса Тихоновна,— позвал он.— Смотрите, сколько винограда!

Небольшие гроздья винограда, плотно сбитые из черно-сизых ягод, спускались сквозь листву орешника. Он оборвал несколько ягод, покатал их между ладонями и бросил в рот. Ягоды хрустнули. От сладковато-кислого сока Иван Трофимыч сморщился и, пожевав немного, выплюнул.

— Ух, черт! — выругался Маслов.— Какая кислятина!

Анфиса, оставшись на тропинке, громко рассмеялась.

— Вот так и женщины. С первого взгляда — ягода-краса, а раскусишь — и разочаруешься,— с досадой сказал Маслов, выходя из кустарника.

— Ой, так ли?

— Так, Анфиса Тихоновна. Не все, конечно, но имеются такие.— И он посмотрел на Анфису.

Она перестала смеяться, пошла вперед. Лучи солнца падали длинными косыми нитями меж деревьев и подсвечивали Анфису.

Синее платье в мелких цветочках плотно облегало стройную фигуру. На поворотах тропинки Маслов видел, как грудь Анфисы слегка покачивалась в такт движению.

Ускорив шаг, он оказался совсем рядом с Анфисой. Она услышала его громкое дыхание за спиной. Остановившись, резко обернулась к нему. Иван Трофимыч чуть не налетел на нее. Он посмотрел на ее встревоженное лицо и еле слышно прошептал:

— Заманиха!.. Ох, и заманила ты меня, приворожила! Правду бабы про тебя говорят, сам на себе твои чары да зелье испытываю.

Анфиса устремила на него черные с поволокой глаза.

— Бросьте, Иван Трофимыч, не болтайте чего не надо! Баба рядом с мужиком всегда бабой остается. Закипела в вас кровь от одиночества, вот и не сдержались.

Маслов виновато опустил голову, крепко стиснул зубы. Анфиса укоризненно покачала головой.

— Настой заманихи и впрямь вам помогает. Лекарство это не одного человека на ноги поставило, от чего оно только не лечит: от физической и умственной усталости, и при по-

ниженном давлении его принимают, и при нервном заболевании пьют, и, говорят, мужчинам силы прибавляет. Любит мой Тимоша эти капельки, говорит, голова от них не болит...

Анфиса засмеялась, за ней Маслов. И вся натянутость пропала.

— Идти надо,— сказала Анфиса.— Тут уже недалеко осталось.

Анфиса пропустила Маслова вперед, сама пошла за ним.

— Растет заманиха только в наших местах,— продолжала Анфиса.— То в елово-пихтовом лесу пристроится, а то просто на каменистых осыпях, но только на юге Приморского края. А кто ей названке тáкое придумал, не знаю, только отдала она человеку все, что есть в ней лучшего. Можно сказать, сестрой женьшеню приходится.

Маслов слушал ее, а думал о своем. Не ради свежего настоя приезжает он к ним. Заманиху и в аптеке мог бы купить. Влекла его сама Анфиса.

После войны поселился Иван Трофимыч во Владивостоке, на родину возвращаться было не к кому, все погибли. Повстречал молодую красивую девушку, на много лет моложе себя, поженились, а через три года она возьми да «уплыви» с каким-то морячком. С тех пор Маслов живет один, хотя женщины на него виды имеют. Но он после первой «осечки» до женитьбы дело не доводит.

А тут поехал как-то по совету знакомых отдохнуть в деревню и набрел на дом Барсуковых. Понравились гостеприимные хозяева и то, что дом от ребячьего баловства ходуном ходит. Казалось бы, одинокому мужчине тишина ближе, а ему как раз шума-то и не хватало.

Да и пришелся Барсуковым по душе. Спокойный, непьющий. Отдали ему комнату, где родители раньше почивали, на том и поладили. Нужна помощь в лесничестве — он с Тимофеем, по хозяйству что — Анфисе помогает. А бывает, уедут Барсуковы в райцентр, он с ребятами останется.

Тимофей к нему, как к родному, обращается. «Давай, брат, помоги!» Или: «Пойдем, браток, чайком побалуемся!»

— Хочешь дольше прожить, бросай город и переезжай к нам, подберем тебе работенку не хуже заводской,— предложил как-то Тимофей.

— Подумать надо,— ответил Маслов.

4

Вот и дошли.

Стряхивая с корней землю, Иван Трофимыч ловко обрубал стебли и листья, усыпанные ломкими игольчатыми шипами, и укладывал корневища на траве.

Солнце поднялось высоко, повеяло нежным теплом бабьего лета. Красивая пора — осень на юге Приморского края. Иногда долго в этих местах стоит теплая погода, а леса окрашены в яркие красно-оранжевые, желтые цвета.

Вершины скалистых сопок прячутся в густом молочном тумане, медленно стекающем на остроконечные шпили елей. Чистая роса на траве не всегда просыхает за день.

Обратный путь казался долгим. Шли молча, разговор не клеился. Тяжелые мешки давили на плечи. Остановились передохнуть. Иван Трофимыч собрал разноцветные листья, лежавшие на еще зеленой траве, смеясь, подкинул их кверху. Листья, медленно кружась, падали на землю.

Анфисе понравилась его затея, и она стала делать то же самое. Они смеялись уже вдвоем, запрокинув голову, наблюдали за тем, как листья, подгоняемые течением воздуха, раскачивались из стороны в сторону, а вместе с ними кружилась и Анфиса.

Закружившись, она натолкнулась на Маслова. Он крепко сжал ее в своих объятиях. Анфиса почувствовала тепло его губ на щеке. Она стала вырываться, как совсем рядом, у самого уха услыхала:

— Люблю... люблю... люблю!..

Что было силы она уперлась в грудь Маслова, и руки его разжались. Одернув платье, расчесав кольца черных волос и заколов гребенку на затылке, тяжело дыша, проговорила:

— Не ожидала от вас такого, Иван Трофимыч!

— Прости, Анфиса, не сдержался!

— Да уж ладно. Только впредь чтоб шуточки эти бросили, не то Тимофею скажу. Он мужик сильный, не посмотрит, что вы городской, отделает что кедровый орешек.

Она подхватила свою ношу и, не оборачиваясь, зашагала вперед.

Смеркалось, когда они вышли на опушку леса. Через небольшой луг, отделявший деревню от леса, кто-то бежал им навстречу. Сердце Анфисы екнуло. «Беда!» — промелькнуло в голове, и, бросив мешок с заманихой, она устремилась навстречу бежавшему.

Иван Трофимыч узнал в женщине соседку Барсуковых. Поднял мешок Анфисы, поспешил к ним. Издали он увидел, как Анфиса схватилась за голову, заголосила, и они обе побежали в деревню.

У дома Барсуковых собрались все от малого до старого. Стоял шум. Каждый пытался что-то объяснить другому. Маслов приблизился к толпе. Народ расступился, давая ему дорогу. Иван Трофимыч подошел к дому, оставив мешки у крыльца, а сам медленно стал подниматься по ступенькам.

Дверь в дом была распахнута, из комнаты доносился плач детей и причитание Анфисы. Переступив порог, Маслов вошел в комнату. На медвежьей шкуре, постланной на полу, лежал Тимофей.

Анфиса, обхватив мужа руками, рыдала на его груди. Трое сыновей, прижавшись друг к другу, стояли возле матери и испуганными глазами смотрели на отца.

Две женщины подошли к Анфисе и с большим трудом оторвали ее от Тимофея. Она сопротивлялась, вырывалась из их рук, снова бросалась к мужу. Наконец удалось увести ее за перегородку и уложить на кровать. Ей дали что-то выпить. Обессилев от слез, она повернулась лицом к стенке, стала стонать. Детей увела к себе соседка, а Тимофея завернули в шкуру медведя и отнесли в баньку.

Маслов вышел во двор и, подойдя к мужикам, сидевшим на бревнах, глухо спросил:

— Как же это случилось?

Те молча подвинулись, он сел рядом. Самый старший набил трубку табаком и, выпуская дым, стал рассказывать:

— Поехали мы за шишками. Тимофею Максимовичу нами бы командовать, а он сам любитель по деревьям лазить, так и норовит на самую макушку взобраться. Делал он это ловко, сильный мужик...

Начал, значит, он сбивать шишки шестом, а шест возьми да зацепись за ветку. Выскользнул из рук и покачивается из стороны в сторону. Тимофей Максимович хотел было поймать, да промахнулся. Так и полетел, цепляясь за ветки, вниз. А тут пень от срубленной браконьерами молодой сосенки оказался... На него-то он и свалился. С высоты двадцати метров летел, шутка ли! Всякое в нашем деле бывает, но такое первый раз видели, прямо головой на пень угодил...

Он закашлялся, выбил трубку о бревно и вновь стал, не торопясь, набивать ее табаком. Помолчали. Было слышно, как в доме стонет Анфиса. На ночь к ней пошли женщины, не могли ее одну оставлять с таким горем.

Маслова позвали на ночлег в соседний дом, где были и дети Барсуковых.

После похорон Иван Трофимыч стал собираться домой, как вдруг Анфиса попросила его:

— Если можно, поживите немного в деревне. У меня в доме нельзя, сами понимаете, а соседи не возражают на постой вас к себе взять.

— Да, да! Я непременно останусь. Отпуск у меня только начался. Если чем могу быть полезен, располагайте мною.

— Вот и хорошо,— тихо, с облегчением произнесла Анфиса.

Шли дни. Иван Трофимыч видел Анфису только издали, говорить с ней не приходилось. Сам он не решался переступить порог дома Барсуковых, Анфиса же будто забыла про него.

На девятый день сходили на кладбище, помянули покойника, и люди понемногу стали забывать о случившемся. Анфиса замкнулась в себе, с бабами почти не разговаривала, без дела дома не сидела. Промыла, провялила, просушила заманиху, стала настои готовить.

Однажды вечером, когда деревня наполовину погасила свет и на опустевших улицах залаяли собаки, она пришла к соседке и сказала, чтобы вышел к ней Иван Трофимыч.

На дворе ярко светила луна. Маслов появился на крыльце в накинутом на плечи пиджаке. Заметив Анфису, сидевшую у ворот на скамейке, он быстрым шагом направился к ней. Она жестом пригласила его сесть рядом.

— Не ждали, Иван Трофимыч? — тихо спросила она и, как бы стыдясь своих слов, отвернулась от Маслова.

— Ждал,— ответил он.— Еще день — и сам бы пришел.

— Как же! Проститься надо...

— И проститься, поскольку уезжать пора, и сказать кое-что.

— Утешить вдову добрым словом решили.

— Не угадали. Утешитель я плохой, коль до сих пор не зашел к вам, а сказать есть что.— Он сделал паузу. Начал было говорить, но запнулся, и опять наступила пауза. Наконец, собравшись с духом, выпалил:— Анфиса Тихоновна, выходите за меня замуж!

Она не дрогнула от его слов, не сбежала, чего он боялся. Наоборот, повернулась к нему, посмотрела в глаза.

— Были бы вы чужой человек, может, и вышла. Ведь он вас словно брата принимал, как же я после этого могу?

— Какой же я брат!..

Она замолчала, скрестила руки на коленях, и он видел, как они дрожат.

— Сдружились мы с Тимофеем Максимовичем, это верно. Деловой был человек и семьянин прилежный. Приезжал я к вам действительно, как к своим, и вдруг все разом оборвалось: и его нет, и для меня дорога сюда закрылась.

— Хороший вы человек, Иван Трофимыч, да, видно, каждому из нас придется по-своему век доживать.

Плечи Анфисы задрожали. Она отвернулась, пряча слезы. Маслову стало жалко ее, Тимофея, себя.

— Зачем же так, если все может быть иначе?

— Возможно, у вас и может, а мне не дозволено. Трое у меня на дворе бегают, да под сердцем четвертого ребеночка ношу. Знаю людей, у которых нет любви, а живут... Только мне думается, что они медленной смертью умирают. Мы же с Тимошей жили... Никогда он меня не обижал. И за что на меня такое горе свалилось! Спасибо еще, что судьба с вами свела. Хороший вы, и вам бы, что положено людям, должно быть, а вот не выходит.

— Не знаю, Анфиса Тихоновна, может, и впрямь ваше зелье колдовское, но полюбились вы мне все — и сама и дети. С радостью бы такую семью своей назвал.

— Верю, что любите, а я вам тем же ответить не могу. То ли годы не те, то ли Тимоше все отдала. Да и дети, как же они величать вас будут?

— Дети-то? Как заслужу. Дети быстро растут, поженим, сами дедом с бабкой станем.

— А внуки? — слегка улыбаясь, спросила Анфиса.

— Вон куда далеко шагнула!

— А как же! Дети как были, так и будут детьми Тимофея Барсукова. Внуки тоже его, Барсуковы. Выходит, я одна чужая всем стану, а вернее, вашей называться буду. Возможно, в городе проще на это смотрят. Там женщины замужние фамилию свою девичью оставляют, а у нас так не заведено. Вышла замуж за Тимофея, так и будут звать Тимофеевой женой.

Маслов пытался доказать ей, что у него самые серьезные намерения. Он и детей усыновить готов и своих заиметь не прочь. Если надо, он подождет, сколько того требуется.

— Думаете, мне легче вашего? Бабы и те осуждают. Гляди, мол, упустишь — не вернешь. К вам они давно уже пригляделись, привыкли. Да и я умом понимаю, что жить дальше надо. Детей ставить на ноги одной нелегко, а согласиться не решаюсь. Наверняка есть у

вас в городе женщина, без этого мужчине не прожить, зачем же я ей дорогу загораживать буду? Как видно, спета моя песня. В природе и то нашей сестре отводится всего лишь одна неделя на тихое бабье лето.

Хотите, приезжайте к нам, как и раньше, всегда рады будем. А замуж... замуж не пойду.

Откуда-то с речки донесся тихий, печальный голос:

Не терзай, не томи ты себя,
Я сама виновата немножко,
Позабыв, что давно уж не та,
Чтоб смотреть на чужое окошко.

— Эх, Заманиха, Заманиха! Далеко же ты меня заманила. Прямо как хозяйка Медной горы. Только конец другой придумала. Не прошусь я на волю, не к кому мне идти, с тобой остаться желаю, а ты меня прочь гонишь. Ведь не лез же я к тебе со своей любовью раньше, не навязывался, когда видел, что тебе с Тимофеем хорошо. Один раз только сорвался, сам не знаю, как и получилось!

— А зачем говорить было? Я и так догадывалась. Женщина без слов поймет, когда мужчина к ней сердцем тянется. У вас глаза, как зеркало, в них все отражается. Прости меня, Иван! — ласково сказала Анфиса.— Не хотела тебя обижать, притворялась, что не догадываюсь. Вот и сейчас настойку принесла, знаю, что уезжать собираешься. — И она протянула ему пузырек.— И сердце мое не из камня. Только не пара я тебе. В город меня никаким пряником не заманишь, а тебе в деревню перебираться никакого резону нет. Вот и, выходит, расходятся наши стежки-дорожки в разные стороны.

Похолодало. Луна перекатилась с одного конца деревни на другой. Еле-еле занималась заря. Они сидели, и никто не решался первым встать. Думали о том, что вот сейчас разойдутся и больше никогда не увидят друг друга.

Маслов сбросил с себя пиджак, осторожно накрыл им плечи Анфисы. Слегка придвинувшись, одной рукой он обхватил ее за талию и привлек к себе.

Анфиса почувствовала, как все в ней размякло, лицо запылало жаром. Что-то перевернулось внутри и больно толкнуло в живот, как бы напоминая о своем присутствии.

Она не отшатнулась от Маслова, наоборот, прильнула головой к его плечу и тихо заплакала. Иван Трофимыч замер от неожиданности. Она плакала все громче и громче, так, как плачет ребенок, когда его жалеют. Он осторожно прижал ее к себе, боясь спугнуть это мгновение.

Думал ли он когда, что все вот так обернется? Значит, судьба все заранее уготовила. Столько лет он шел к своему счастью и не предвидел, что оно так дорого ему достанется.

— Когда же мне приехать? — после долгого молчания тихо спросил Маслов.

— Не знаю... Приезжайте, как всегда, осенью,— вдруг снова перешла на «вы» Анфиса.— За год многое может измениться. Одним годом больше, одним меньше для меня уже не имеет значения. Это когда тебе восемнадцать, тогда спешишь. А вам, Иван Трофимыч, есть о чем подумать. Сможете ли такую ношу на себя взвалить, да и достойна ли я такого внимания!

Маслов хотел было ее перебить, но она продолжала.

— За это время, глядишь, и дочка родится! — с грустью сказала Анфиса.— Будь я одна, возможно, за вами от этой калитки так и пошла бы. А то вот и Тимоши нет, а дома меня дожидаются. Ведь я мать. Не таите на меня обиду, Иван Трофимыч, пейте заманиху, а кончится, приезжайте за новой.

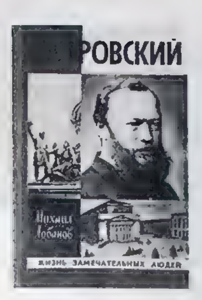
Анфиса скинула с плеч пиджак, отдала его Маслову, сама резко повернулась, чтобы уйти побыстрее, но вдруг передумала. Шагнула к Ивану Трофимычу, обвила руками его шею и крепко, трижды поцеловала в губы.

Маслов не успел опомниться, как она выпустила его из своих рук, и он услышал шуршание пожухлых листьев под удаляющимися шагами Анфисы.

Сергей ЛЫКОШИН

СЛУЖЕНИЕ ИДЕАЛУ

«Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее...» Слова эти, сказанные Александром Николаевичем Островским в письме к М. П. Погодину 30 сентября 1853 года, вполне могли бы стать эпиграфом к вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» книге М. П. Лобанова.

Идут годы, десятилетия, но не проходит в народе любовь к пьесам А. Н. Островского. Соответственно не проходит и интерес к творчеству великого художника со стороны критиков и литературоведов. Напротив, с течением времени появляются исследования, с большей полнотой и объективностью освещающие его жизнь и труд.

В настоящее время к числу таких работ следует отнести книгу Михаила Лобанова. Своеобразна она уже тем, что принципиально по-новому рассматривает духовную связь драматурга с жизнью народа. С большей полнотой раскрывает отличавшую его творчество преданность русской культурно-исторической традиции и ее идеалам.

В некоторых современных исследованиях распространен взгляд на А. Н. Островского как на страстного обличителя морально разложившейся общественной прослойки, встречается немало заявлений, что художник «высмеял» купеческое Замоскворечье, «разоблачил низменные нравы его обитателей». М. Лобанов наглядно показывает, сколь неосновательна такая односторонность подхода к литературному наследию драматурга. Не одно лишь обличение порока, но и достоверное изображение добрых начал, существующих в характере русского человека, его стремление к справедливому, нравственному исходу любого дела, душевная трагедия, возникающая, когда исход этот в силу каких-либо обстоятельств невозможен,— вот основные черты этого наследия. Примечательна в этом смысле глава, посвященная пьесе «Гроза». Заключающий ее вывод в том, что «трагедия Катерины не столько в «разбитой любви», в опостылевшей жизни с нелюбимым мужем, сколько в той внутренней бесперспективности, когда обнаруживается невозможность найти себя в «новой морали» и будущее оказывается «закрытым» (в сочетании с убедительной полемикой по поводу различных сценических и литературно-критических трактовок образа Катерины), основывается на глубоком знании творчества А. Н. Островского, на понимании того, что художник создал не сиюминутный, а глубокий, исторически верный портрет русского человека.

М. Лобанов известен как автор статей по проблемам развития отечественной литературы. Именно ясное понимание нравственного и духовного ее содержания, надо полагать, и позволило М. Лобанову перейти к нелегкому жанру художественной биографии. О жанре этом последнее время немало говорится и пишется. Рассуждая о причинах такого интереса, Дмитрий Жуков не без оснований написал в своем очерке-размышлении «Биография биографий»: «Нет иного литературного жанра, который бы с такой же силой побуждал к деятельности...» Жизнеописание великого русского драматурга, представленное читателю М. Лобановым, вызывает далеко не поверхностный интерес к фактам его судьбы. Книга помогает выработать ясное отношение к культурно-историческому прошлому России.

Давно известно, что художника можно понять, поняв его время, и что художник, как никто другой, способен представить потомкам свою эпоху во всем объеме ее содержания. Раскрытие этой связи положено в основу книги М. Лобанова.

Жизнь Москвы, близкие, друзья, современники А. Н. Островского, их творческие и личные взаимоотношения — все это, естественно, сопутствует, помогает полнее и ярче раскрыть характер художника. Читатель подробно знакомится с бытом Замоскворечья, входит в круг издателей «Москвитянина», получает полное представление о журнале, открывшем и взрастившем гений Островского, знакомится с Михаилом Погодиным, Тертием Филипповым, Борисом Алмазовым и Аполлоном Григорьевым. Последнему в книге отведено особое место. Ведь, говоря словами М. Лобанова, «Аполлон Григорьев был один из немногих, а точнее сказать — первым из тех, чьим мнением дорожил Островский, кому читая новые свои пьесы, от кого ждал дельного слова». Трагедия Григорьева, страдающего от «неутоленной жажды идеала», «...имела те же корни, что и трагедия Катерины в «Грозе», только в сфере иной, не столько в личном чувстве... сколько в самом духе, испытывающем неразрешимые сомнения». Трагедия Аполлона Григорьева была тяжело пережита драматургом и, возможно, помогла ему в становлении собственного идеала.

В книге много человеческого участия в судьбе драматурга и судьбах его друзей. Уход из жизни Аполлона Григорьева, Мартынова, Дриянского, нарастающее с годами чувство одиночества и спасение от него, приходящее из мира, созданного воображением драматурга, мира, подчиненного его чувству ответственности перед Россией и соотечественниками,— все исполнено высокого сострадания и человеческого участия. Житейские неурядицы и дни истинного триумфа, горе и счастье — все дано полной мерой человеческого сердца.

Увы! Как часто не хватает биографическим исследованиям именно таких качеств. И сколь отрадно, что книги серии «ЖЗЛ» последних лет отличает весомость научного исследования и добрые человеческие чувства.

Книга М. Лобанова и содержательна и эмоциональна. Вот театр с его непростой закулисной жизнью, с судьбами актеров, с их творческими взаимоотношениями. Театр, о связи драматурга с которым биограф восклицает: «Ах, театр, театр, какая сила свела его с тобою, какая судьба!..» С театром у него было связано все, ведь и писал он свои пьесы, лелея в глубине души уверенность, что увидит их на сцене, а без этого, пожалуй, у него и руки бы опустились...

Этот театр представлен во всей красоте русской сценической традиции, во всем великолепии актерских дарований П. Садовского, Л. Никулиной-Косицкой, С. Васильева, А. Мартынова, П. Стрепетовой... Театр и его жизнь написаны в книге так, что легко понять, почему для А. Н. Островского он стал главной жизненной привязанностью, почему именно сцене доверил он открыть сердечные домыслы о своем народе и судьбе его.

Вдумчиво, неторопливо и возможно полно раскрывает М. Лобанов духовную связь драматурга с Россией, открывает мир сыновней преданности Родине. Щелыково, Ярославль, Волга — в выдержках из писем Островского и авторских отступлениях Лобанова чувствуешь любовь драматурга к родным местам, к природе, ко всему жизненному устройству отчей земли. Любовь эта вылилась в кропотливое изучение народного быта, языка, характеров, перенесение их в драматургию. Содержание великого жизненного труда предстает читателю в простых одеждах повседневных тревог о судьбе отечества.

Книга написана свободно, образное течение ее разнообразно. М. Лобанов не чурается некоторого драматургического домысла в изображении размышлений и внутренних оценок Островского. Сцены «прозрения» — без которых, конечно, не может быть великого художника — позволяют читателю как бы глазами драматурга увидеть будущее России, возможные перемены и в экономическом и в общественном укладе. Они воспринимаются как непринужденное театральное действо. Герой этих сцен, будь он добрый молодец, появившийся в европейского образца московском салоне в кругу поклонников таланта «несравненной Рашель», или вертлявый предприниматель, осваивающий и обновляющий Россию коммерческим способом, или даже режиссер-авангардист, трюкачеством и механической логикой расчета внедряющий персональную идею на сцене русского театра, как мне кажется, герой этот дополняет наше понимание взглядов А. Н. Островского. Надо заметить, что в этих сценах, в ясном облике противостоящих злу добрых сил и побуждений отчетливо является верность драматурга тому, что в литературе принято называть «идеалом». Именно служение идеалу всегда было и остается для художника главной жизненной целью. Идеал, говоря словами М. Лобанова, «голос совести», «нравственная опора», «сама живучесть людская — в памяти обо всем лучшем встреченном и увиденном нами в жизни... Идеал потому и живуч, что он не отвлеченное понятие, не теоретическая спекуляция, а жизненное дело, находящее своих избранников».

Книга М. Лобанова открыла читателю много очевидного.

Парадоксальность такого заявления вполне оправданна. Нет ничего более настораживающего и опасного в литературе, как косные, по сути, несправедливые и устаревшие оценки, которые, укрепляясь в общественном сознании, прививаясь читателю, разрушают интерес и искажают восприятие творчества великого художника тем более, чем больше противоречат они исторической, истинной первооснове его произведений. Вдвойне опасно, когда подобные оценки превращаются в расхожие мнения. Так, скажем, Б. Алперс в недавно переизданном и дополненном, вышедшем впервые 35 лет назад исследовании «Театр Мочалова и Щепкина», указывая читателю на неполноценность пьес «Бедность не порок» и «Не в свои сани не садись», говорил о «начальном» периоде творчества А. Н. Островского, отделяя его от более «позднего» словами: «Сам Островский впоследствии изменил направление своего творчества». Подобное заявление создает у читателя превратное представление, будто драматург в течение жизни отрекался от одних принципов во имя других и в соответствии с оными менял направления творчества.

Книга М. Лобанова, в которой автор сказал об Островском искреннее, своевременное и справедливое слово, тем и хороша, что убедительно противостоит расхожим суждениям и косным оценкам одновременно.

Михаил Лобанов. Островский. М., «Молодая гвардия», 1979, 384 с.

Цезарь **СОЛОДАРЬ**,
специальный
корреспондент
«Огонька»

ТРАГЕДИЯ В СЕМЬЕ ЛОНДОНСКОГО ТАКСИСТА

Работе над статьей для «Джуиш кроникл» я отдал часы, предназначенные для просмотра гоголевского «Ревизора» в постановке Олега Табакова. Увидеть Хлестакова и Городничего на английской сцене, конечно, гораздо заманчивей, нежели вторично беседовать с Бен-Шоломом. Но я решил сдать заказанную мне статью точно в обусловленный срок, дабы у господина советолога не было повода для новых предупреждений и всякого рода затяжек и оттяжек.

В редакцию поехал на такси.

Услышав адрес, водитель почему-то поглядел на меня, точнее, оглядел меня с нескрываемой пристальностью.

Тогда я — возможно, не совсем логично, но повинуясь мгновенному порыву — показал ему брошюру Виралла:

— Вы читали это?

— Вам понравилось? — вопросом на вопрос ответил с долей вызова водитель.

— Советского человека такая пакость глубоко возмущает.

— Паршивая брошюрка, верно. Но, по-моему, она всего только семечки. Такое словечко любил вставлять в разговор мой дед (между прочим, он из первых лондонских таксистов), когда хотел сказать, что беспокоится о тыкве, то есть о самом главном. Так вот, сегодня для английских антисемитов эта брошюра всего только семечки, — продолжал водитель уже в пути. — А я мог бы рассказать вам о тыкве. Не самой сочной, даже гнилой, но довольно увесистой... — И неожиданно он спросил: — Неужели вы должны приехать в редакцию минута в минуту?

Я ответил, что каких-нибудь полчаса значения не имеют.

— Тогда разрешите сделать маленькую остановку для разговора — не хочется все-таки попадать в аварию даже ради самой увлекательной беседы. Сейчас найду местечко, где можно припарковаться.

Вот что я услышал от таксиста на скамейке:

— Начну с того, что по происхождению я еврей. Вы, вероятно, не знаете, что почти половина лондонских таксистов—евреи. Университета для шоферской работы кончать не надо, даже без колледжа можно обойтись. Но моей дочке Маргарет я обеспечил среднее образование. Маргарет — уже четвертое, можно сказать, английское поколение в нашей семье. Мой прадед эмигрировал в Англию из Бессарабии, когда Россией еще правил отец последнего царя. Маргарет совсем не умеет говорить ни на идиш, ни на иврите. Потому что не с кем. И нам с женой тоже не с кем. Я это не к тому, что знать еврейский стыдно. Я только хочу, чтобы вы поняли, что у моей Маргарет все английское — имя, язык, образование, подданство. Все. В позапрошлом году она окончила школу. Конечно, не такую аристократическую, как та, где учились внуки лорда Зифа. Жена была на выпускном вечере и рассказывала, как все было красиво и торжественно. А речь директора ее просто растрогала, она даже прослезилась. Он сказал, что выпускники, а среди них много некоренных англичан, должны все время пополнять свои знания английского языка. За последние годы многие стали засорять язык, и потому, сказал директор, все, кто окончил нашу школу, должны почаще сверяться со знаменитым Оксфордским словарем. Любое слово имеет в нем свое истинное толкование... Вы, конечно, уже догадываетесь, что главное в моей истории — это Оксфордский словарь?

— Даже догадываюсь, что вы купили словарь.

— А что я мог сделать? Жена осторожно и постепенно убеждала меня: «Я понимаю, все дорожает, и нам сейчас, конечно, не до лишних трат и дорогих покупок, но разве тебе не хочется, чтобы наша Маргарет знала все английские слова и правильно их писала? А вдруг это поможет ей скорее найти работу!» Сначала я только вздыхал: стоит этот «Оксфорд» не фунт и даже не два. Но потом подумал: дочь у меня одна-единственная, кто знает, может быть, с Оксфордским словарем она действительно большего добьется в жизни. Словом, купил я у букиниста словарь. Потрепанный, но зато в рассрочку. Рассказал про покупку друзьям. Они вроде бы больше уважать меня стали: шутка ли, у него дома собственный Оксфордский словарь! Не могу сказать, что Маргарет очень часто пользуется им. Но мне казалось, не купи я дочери этот замечательный словарь, у меня были бы потом угрызения совести. Правда, работу она и со словарем пока не нашла. Но мой друг детства, очень начитанный и толковый человек, утешал меня, когда я охал, что завтра надо выплатить букинисту часть денег: «Не переживай, Майкл, рано или поздно «Оксфорд» окупит твои затраты».

— Окупил?

— Даже с процентами! Возвращаюсь как-то ночью с работы — жена в слезах. Говорит шепотом, чтобы Маргарет не услышала. Захотелось жене, видите ли, перед сном полистать словарь, денег это не стоит. Наткнулась на слово «еврей» — и разрыдалась. Оскорбительно, говорит, презрительно. Я вначале подумал: женские преувеличения. Но прочитал и распалился больше, чем жена. Попадись мне в ту минуту тип, который посмел так написать, я бы его... Слушайте меня внимательно. В словаре сказано так: «Еврей — бессовестный ростовщик». Не верите? Чтоб моя единственная дочь так была здорова, что сказано именно так! И напечатано это не в какой-нибудь брошюрке, не в газетке «национального фронта», это не Мосли на каком-нибудь митинге погромщиков проревел. Это сказано в словаре. И не в каком-нибудь, а в Оксфордском!..

Таксист на несколько секунд умолк, подавленный тяжелыми раздумьями. Затем продолжил свой рассказ — однако уже не с прежней живостью:

— Несколько дней не находил себе места. Думал, все думал, к кому бы обратиться. Вспомнил, что у знакомых встречал как-то одного вроде бы солидного сиониста — ну, не такого, конечно, масштаба, как лорды Зиф или Фишер, но все-таки довольно известного в сионистском «Обществе друзей евреев-иммигрантов». Выслушал он меня и неодобрительно покачал головой: «Нет у вас, что ли, забот, так вы сами придумали себе волнения. Надо понимать, что в Оксфорде сидят большие ученые, которым совершенно не до того, что сегодня делается на свете. Они копаются в старинных книгах и рукописях, а потом повторяют старые байки в своих исследованиях. А вы, какой-то лондонский шофер, задумали опровергнуть исследования оксфордских лингвистов. Это все равно, что плевать против ветра,— останетесь в дураках. Правда, один хороший совет могу вам дать. Вижу, вас кое-что не устраивает в Англии. Не ждите, пока появится еще кое-что побольше. Забирайте дочку и жену и поскорее переезжайте на нашу родину, в Израиль...» Ну, переезд в Израиль — это, вы понимаете, бред. Ничего я в Израиле не забыл. Родина моей семьи — Англия, здесь мы все родились. И не только мы, но и наши родители, наши деды. Но и не меньший, по-моему, бред — это рассуждения сиониста насчет того, что лингвисты подчиняются старине. Ведь их словарь читают сегодня и будут читать завтра. И особенно ему верят потому, что на нем марка Оксфорда. Вам, вероятно, трудно себе представить, как у нас относятся к марке Оксфорда. Наука! Культура! Гордость Англии! Разве не так? Вы не англичанин, но тоже, конечно, слышали...

— Не только слышал, но даже видел, как много в Оксфорде научных и культурных центров. Из комнат, где собраны уникальные рукописи многих веков, долго не мог уйти. Какие там достопримечательности!

— А достопримечательность, про которую я вам только что рассказал, вас не поразила?

Я не успел ответить, как таксист с грустцой заметил:

— Вы, конечно, сомневаетесь. Думаете, не присочинил ли необразованный шофер, не напутал ли...

ЗАОЧНЫЙ СПОР СОВЕТОЛОГА С ШОФЕРОМ

Нет, не присочинил. Нет, не напутал. Короткое толкование слова «еврей» привел дословно — точь-в-точь. Именно так сказано в «Кратком Оксфордском словаре современного английского языка», выпущенном несколькими изданиями и многочисленными тиражами издательством «Кларендон пресс».

Приобрети таксист выпущенный тем же издательством «Краткий английский словарь», то прочитал бы откровение похлестче: «Еврей — лицо, принадлежащее к иудейской расе, израильтянин; им называют скупого или алчного ростовщика или торговца, умеющего добиваться невыгодных для других сделок, а также ловкого дельца».

А заглянув в «Оксфордский английский словарь», изданный опять-таки фирмой «Кларендон пресс», шофер мог бы узнать, что в английском языке существует глагол, означающий «обмануть или перехитрить способом, присущим еврейским торговцам или ростовщикам».

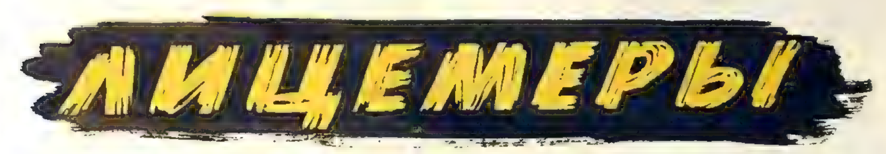
Все эти речения откровенно расистского толка мне прочитали по первоисточникам, однако только уже поздно ночью.

А в полдень, распрощавшись с общительным таксистом и войдя в здание «Джуиш кроникл», я сразу же выложил Бен-Шолому все, что услышал от юной Маргарет.

— Понимаю,— сочувственно улыбнулся Бен-Шолом,— вам уже нажужжали в уши про сумасшедшего Шлоймовица.

— Повторяю, я беседовал с таксистом. Ни о каком Шлоймовице понятия не имею, тем более сумасшедшем.

— Ну, не сумасшедший, так, значит, такой же, как ваш таксист, «тыпыш».— Это слово, означающее «идиот», единственное, какое я услышал на идиш от отца ведущего сотрудника еврейской газеты. Он пояснил мне: — Только сумасшедший или «тыпыш» способен обратиться в Высший суд страны с требованием запретить издательству включать в три словаря, как заявил Шлоймовиц, «пренебрежительные, клеветнические и полностью прискорб-

Продолжение. См. № 8.

ные определения слова «еврей». На суде Шлоймовиц говорил, что сейчас не средние века, а семидесятые годы двадцатого века — как будто без него этого не знают! «То, что морально несправедливо, не может быть узаконено» — вот его основной аргумент. Мне кажется, Шлоймовицу не удалось даже найти для себя адвоката. По крайней мере, во время судебного процесса на месте адвоката сидел сам Шлоймовиц. И, конечно, проиграл дело. Ему еще придется внести деньги за судебные издержки — что-то около 1200 фунтов, денежки немалые. А процесс судья, конечно, прекратил.

Суть и ход судебного разбирательства, возникшего по заявлению 67-летнего Маркуса Шлоймовица, жителя Сэлфорда в графстве Ланкашир, сионистский советолог изложил мне в общем-то верно. Это я установил, полистав комплект лондонской «Дейли телеграф». Отчет о процессе газета озаглавила «Еврей терпит поражение в борьбе против клеветы в словаре». Из отчета я узнал весьма существенную и симптоматичную подробность, не привлекшую почему-то внимания господина Бен-Шолома. Судья, оказывается, потому признал иск Шлоймовица к издательству «Кларендон пресс» безосновательным, что факт, послуживший причиной для жалобы, не относился... лично к Шлоймовицу.

Что ж, влиятельный сионистский журналист получил юридическое основание причислить Маркуса Шлоймовица к сумасшедшим и идиотам. С точки зрения Бен-Шолома, к таковым относится и беседовавший со мной таксист.

Читатели, уверен, согласятся со мной, что в заочном споре рядового лондонского таксиста с крупным сотрудником лондонской сионистской газеты правда на стороне первого, на стороне взволнованного отца, справедливо тревожащегося за судьбу своей единственной и покамест безработной дочери.

ЕГО ДЕЛО — ПРЕДУПРЕДИТЬ

Господин Бен-Шолом, проявив любезность, при мне же внимательно просмотрел мою статью. Сразу же последовало такое замечание:

— На вашем месте я не хвалил бы главного раввина Великобритании Якобовица и директора его канцелярии Моше Дэвиса. Читатели могут подумать, что эти фразы вставила в статью редакция.

— На своем месте я ведь не хвалю Якобовица и Дэвиса за их политические убеждения. Я только положительно отмечаю их стремление узнать жизнь советских евреев не по клеветническим слухам. Я читал несколько интервью главного раввина и его помощника английским журналистам по возвращении из Советского Союза и с полным правом пишу: «Проявив трезвый реализм, они поняли, что непосредственное общение, обмен мнениями лучше бесконечных нападок. Они убедились, что с непредубежденными собеседниками советские евреи охотно беседуют и отвечают на все вопросы».

Бен-Шолом в ответ пожал плечами и воздел руки кверху. Озвучить этот красноречивый жест можно было скорее всего так: «Мое дело — предупредить».

— Только не думайте, что мы боимся ваших не подходящих нам формулировок,— усердно заверял меня Бен-Шолом.— Вы, например, в своей статье называете уважаемых защитниц советского еврейства демагогическими дамами из стяжавшего печальную славу «комитета 35». Затем вы спрашиваете тех же, действительно почтенных, дам, почему их не волнует опубликование антисемитских книг в Англии. И, наконец, у вас сказано: «К сожалению, многие английские евреи слепо доверяют этим дамам и не знают истинной правды о жизни советских евреев, которых собираются защищать». Резко, очень резко! И все же я не прошу вас сделать поправки, хотя верные своим национальным идеалам женщины вправе обидеться. Но,— воздел руки кверху Бен-Шолом,— когда советский писатель вмешивается в традиционно национальные права государства Израиль, я вынужден вас предостеречь...

«Вмешательство советского писателя в традиционно национальные права государства Израиль» хмурый сионистский журналист усмотрел в моих строках о царящей в стране атмосфере хронического военного психоза, жестокой инфляции.

Я не счел нужным вступать в беспредметный спор. А Бен-Шолом, поняв, что угодные ему поправки сделаны не будут, с холодной официальностью заключил наш разговор:

— Я вас предупредил. Что же касается английского текста вашей статьи, он будет доставлен вам в отель завтра утром.

Не доставили мне английский текст ни завтра утром, ни послезавтра днем, ни через неделю вечером.

Перед отъездом из Лондона я сделал несколько попыток дозвониться к Бен-Шолому и Рейзину. Безуспешно! В конце концов отрекомендовавшаяся дежурной секретаршей дама сказала:

— Вам просили передать, что наш переводчик заболел. Как только он приступит к работе, мы пришлем вам английский текст в Москву.

Забегая вперед, скажу: никакого текста мне, конечно, не прислали из «Джуиш кроникл» и в Москву.

А в Лондоне к моменту беседы с дежурной секретаршей я уже мог наглядно убедиться в том, что «кощунственный» поступок редакторов «Джуиш кроникл», заказавших мне статью, известен многим сионистским бонзам Лондона и не одобряется ими.

Вскоре же после моего разговора с Бен-Шоломом мне позвонили из Института информации по Израилю и по поручению директора Готто сухо сообщили, что сделанное мне ранее предложение посетить институт отменяется. Я не скрыл недоумения и услышал ответ в очень раздраженном тоне:

— Если вам не удалось протолкнуть свою статью в «Джуиш кроникл», не думайте, что вам удастся получить у нас материалы для выступлений против английских сионистов.

— Но вы, по вашему же утверждению, не организация английских сионистов. Ваша задача — снабжать журналистов, ученых и вообще всех интересующихся Израилем материалами об этом государстве. И делаете вы это, как сами же говорили мне на прошлой неделе, весьма охотно.

На том конце провода положили трубку.

В течение каких-нибудь двух дней подобные звонки последовали еще из нескольких сионистских лиг и комитетов, ранее давших согласие встретиться с корреспондентом «Огонька». Почли за благо не встречаться со мной и в англо-израильской ассоциации, и в обществе англо-израильского братства, и в ассоциации студентов-израильтян Великобритании и Ирландии, и в федерации сионистской молодежи.

И я понял истинный смысл наглой реплики Бен-Шолома: «Я вас предупредил». Он, несомненно, знал, что функционерам сионистских организаций строго-настрого приказано ни в коем случае не вступать в беседы со мной и отменить ранее назначенные встречи.

НЕВИДИМКИ ИЗ «СОХНУТА»

«Динерман энд компани» — не сионистская организация, а всего лишь торгово-экспортная фирма. Но и там откровенно испугались встречи с советским литератором. Ну что в самом деле я мог услышать в ответ на вопрос:

— Вы догадываетесь, почему жители Ташкента, Одессы, Грозного, любого советского города считают ниже своего достоинства принимать посылки, которые вы нежданно-негаданно для них высылаете им?

Не признать же владелице фирмы мисс Динерман, что свой жалкий «экспорт» она посылает в нашу страну по адресам, полученным из Вены от махрового антисоветчика Визенталя, да, того самого Симона Визенталя, который в пору мировой войны предательски выдавал львовских жителей еврейского происхождения гитлеровцам. Впрочем, фирма «экспортирует» посылки «нуждающимся» советским гражданам и по адресам, раздобытым сионистами Лондона, Монреаля, Тель-Авива.

Откуда такой широкий размах у мисс Динерман, неужели она действует из возвышенных филантропических соображений? О, нет, все объясняется гораздо прозаичней: ее счета за посылки полностью оплачивают и Джекоб Баушлейн — один из владельцев «Пен Америкен петролеум энд транспорт компани», и лорд Израиль Зиф — вице-президент компании «Маркс энд Спенсер лимитед», и другие сионистские меценаты Америки и Европы. Неспроста многие лондонские дельцы неистово завидуют мисс Динерман: ведь ей без особенного труда удалось и обязанности сионистки соблюсти и солидный капитал приобрести!

Решаю посетить некоторые сионистские учреждения Лондона без предварительной договоренности по телефону.

Отправляюсь в центр, на улицу Риджент-стрит, дом 4/12, где находятся столь важные в системе сионистских служб организации, как филиал Еврейского агентства для Израиля (пресловутый «Сохнут») и лондонская штаб-квартира Всемирной сионистской организации (ВСО).

Дом № 4 нахожу легко. Передо мной массивные вывески торгово-промышленных фирм и банка, рекламные щиты кинотеатра, витрина ресторана. А где же дом под номером 4/12?

После длительных хождений взад и вперед обнаруживаю этот номер уже в подъезде другого дома. Под маленькой табличкой с нужными мне цифрами никакой вывески нет. Есть только небольшое окошечко с зачерненным стеклом: тебя видят, ты никого не видишь. И я не знаю, к кому обращаюсь, к привратнику ли, к охраннику или к дежурной секретарше.

Невидимка отвечает мне мужским голосом по-английски, что на языке идиш ничего не понимает, поскольку является израильским гражданином. Но то, что я из Советского Союза, таинственный мужчина разобрал. Соединяется с кем-то по коммутатору — так и не знаю, был ли то сохнутовец или сотрудник ВСО.

Быстрее, нежели можно было предполагать, ко мне спускается молодой человек. Еще не закрыв дверь лифта, одаряет меня дружеской улыбкой. Протягивает руку и спрашивает не очень-то внятно, но по-русски:

— Как вам удалось попасть в Лондон?

— Получил визу в английском посольстве в Москве.

— Понимаю, что не в японском. Но как вы добыли советскую визу?

— Очень просто: у меня командировка.

— Командировка?! — Лицо молодого человека вытягивается.

— Командировка,— подтверждаю я.

— А из Лондона куда вы?

— Домой в Москву.

После паузы следует холодный вопрос:

— Ваша фамилия, ваше имя? Кто вас командировал?

Отвечаю. Молодой человек уходит в комнатку с таинственным окошком. Слышу, с кем-то говорит по телефону, на каком языке — разобрать трудно. Возвращается и злорадно выпаливает:

— Нам с вами говорить не о чем! А вы надеялись, что мы обрадуемся и выставим угощение, как идиоты из «Джуиш кроникл»?

Я не стал уточнять, что угощение равнялось одной (1) чашке чаю мне и одной (1) чашке кофе — моему другу, и покинул подъезд дома, откуда боковой проход ведет в таинственное помещение, именуемое домом № 4/12.

На этом и закончилось намеченное мною путешествие по сионистским точкам английской столицы.

Как в воду канул сотрудник одного из раввинатов, еще накануне заверявший меня, что почти уже добился согласия лорда Фишера ответить на несколько моих вопросов. Звонить ему было, конечно, бесполезно.

Сомнений не оставалось: моя беседа с руководителями «Джуиш кроникл» получила от кого-то из лондонской сионистской верхушки неодобрительную оценку, и всем велено меня не принимать.

ЗАГАДОЧНОЕ ЧИСЛО «35»

Безапелляционное требование лондонских сионистских руководителей ко всем своим подопечным бойкотировать меня дошло до одной из деятельниц женского «комитета 35», видимо, с опозданием. Во всяком случае, Па-

мела Менсон, на чьей визитной карточке с миниатюрным фото значится «актриса», без дискуссий приняла мое предложение встретиться в кафе «Парк-отель-гарден» на Кенсингтон-стрит.

Предупредив меня через знакомого журналиста, что ни иврита, ни идиш она не знает, ревностная «защитница» советских евреев привела с собой переводчицу, знающую и английский и русский,— солидную даму по имени Соня.

С места в карьер словоохотливая переводчица представилась мне женой известного литературоведа, сотрудника израильской прессы Гольдсмита. По ее словам, муж свои последние годы посвятил благородному делу — новому истолкованию классиков еврейской литературы. Вот к чему сводилось это истолкование: используя страницы лондонского «Еврейского ежеквартального обозрения» и других — в том числе израильских — изданий, Гольдсмит пытался изобразить известных еврейских писателей если не сионистами, то их горячими сторонниками.

Что ж, оголтелая антисоветчица мисс Менсон не ошиблась, пригласив Соню Гольдсмит на роль нашей переводчицы. Супруга сионистского литературоведа с нескрываемым наслаждением подбирала наиболее едкие, оскорбительные слова, преподнося мне по-русски провокационные вопросы и клеветнические утверждения кокетливо улыбавшейся «актрисы». Я по праву воспользовался кавычками: самые усердные лондонские театральные рецензенты не могут припомнить ни одного спектакля, ни одной телевизионной передачи с участием Памелы Менсон.

Да она попросту и не выкроила бы времени на репетиции, спектакли, телесъемки — у деятельницы «Движения сионисток в защиту советских евреев» день и так заполнен до отказа. Тем более у активистки «комитета 35», который израильская пресса с почтением именует родоначальником упомянутого движения. Если эта «актриса» действительно станет отдавать дань Мельпомене, кто же будет готовить и снаряжать тех, кому надлежит шуметь у здания советского посольства? Кто будет готовить списки нуждающихся в защите «жертв», сочинять крикливые тексты плакатов? Кто будет устраивать на концертах советских артистов обструкции, столь милые сердцу дам из «комитета 35»?

Пора, однако, раскрыть читателям происхождение и значение загадочного числа «35».

Лет десять назад одесситка по имени Раиса (ее фамилию успели уже позабыть и мисс Памела и мисс Соня) возымела желание переехать в Израиль, где жила ее родственница (кажется, сестра, если память не подвела моих собеседниц). Кто-то напугал родственницу, что Раисе не дадут в Одессе выездной визы. Оказавшись в Англии (а по другой версии, проживая там, а не в Израиле), экзальтированная женщина побежала за «поддержкой» к английским сионисткам. И жаждавшая кипучей деятельности Дорис Гейнсфорд, весьма состоятельная дама, обратилась к группе единомышленниц:

— Мы все ровесницы страдающей одесситки Раисы. Как и ей, нам только тридцать пять...

Некоторые дамы, правда, слегка сконфузились, когда решительная мисс Гейнсфорд своей властью несколько омолодила их, но охотно поддержали ее предложение:

— Создадим комитет тридцатипятилетних в защиту угнетаемой нашей ровесницы!

И вскоре была проведена первая акция «в защиту советской еврейки». Как потом выяснилось, подзащитная в тот день находилась уже в пути и вскоре встретилась со своей родственницей.

Шли годы, возраст активисток «комитета 35», естественно, не застыл на этой цифре. Круг его функций также значительно вырос: комитет уже «защищает» не только женщин, и не только тридцатипятилетних. Расширился и арсенал средств «защиты»: тут и голодовки (правда, с засекреченным «подкреплением» в ближайших тавернах!), и многостраничные петиции с обилием подписей (правда, не надо быть графологом, чтобы ощутить во многих подписях одну руку!), и пространные сообщения очевидцев о «тяжелых притеснениях», которым подвергаются подзащитные (правда, большинство «очевидцев» сочиняет свои сообщения на Гренвил-роуд, 148, не выходя из штаб-квартиры комитета!).

«ТУРИСТКИ» ЗА РАБОТОЙ

Соратница активисток «комитета 35» Джун Джейкобс, приехав в нашу страну по туристскому паспорту, сразу же связалась с кучкой просионистских «борцов за права человека» из числа тех, кто не получил визы на выезд в Израиль потому, что еще недавно имел доступ к государственным секретам. Направляли и вдохновляли деятельность этой кучки антисоветчиков преимущественно американские агенты — корреспонденты и даже люди с дипломатическими паспортами.

Госпожа Джейкобс немедленно начала выведывать биографические данные «отказников» (придумали сионисты и такой термин!) и коллекционировать их адреса и телефоны. Эти сведения нужны для того, чтобы из Англии потом звонить «отказникам» по телефону и слать письма за самыми различными подписями, создавая таким образом иллюзию «массового» сочувствия и поддержки. С этой целью «движение сионисток» создало в английских городах десятки «групп связи». В одном только Манчестере орудуют 19 таких групп.

Привезла мисс Джейкобс антисоветской кучке и инструкции, согласованные с английским сионистом М. Шербоурном. Он, например, пронюхал, что осужденный за многочисленные спекуляции валютой и крупные хищения государственных средств некто Левиев по происхождению еврей. И тут же последовало указание: немедленно организовать коллективное письмо в защиту «невинно осужденного». По признанию одного из участников руководимой сионистскими эмиссарами кучки, письмо было сфабриковано по тому же методу, какой применяет и «комитет 35»: один подписывался за всех своих знакомых, не имевших никакого понятия о письме.

Госпоже сионистской «туристке» не удалось законспирировать свою антисоветскую деятельность в Советской стране. Вот почему возвращалась она в Лондон крайне раздосадованной, обозленной. Как же это потерпела фиаско она, числящаяся вместе с Дорин Гейнсфорд, Барбарой Оберман, Ритой Экер, Линдой Айзекс в идейных столпах «Движения сионисток в защиту советских евреев»? Не застынет ли из-за провала в Москве ее стремительная политическая карьера, не останутся ли только старые чины в послужном списке Джун Джейкобс, чью профессию исчерпывающе определяет одно только слово «сионистка».

Нет, на берегах туманного Альбиона вроде бы и не знали о неудачном рейде госпожи Джейкобс в Советскую страну. И, опередив своих соратниц, она после возвращения в Лондон высоко шагнула по ступеням иерархической лестницы сионизма и вот уже несколько лет возглавляет в Лондоне «национальный совет в защиту советских евреев». Не следует путать этот совет с комитетом аналогичного назначения, который возглавляет мисс Барбара Оберман. В обоих названиях, как принято у сионистов, и не пахнет сионизмом. Но этот дешевый маскировочный прием давно известен даже детям!

Помимо мисс Джейкобс, по туристским паспортам проникали в нашу страну и другие эмиссарши из всяческих женских комитетов и советов. Перед отъездом из Лондона они обязательно консультировались с сионистским функционером Шиндлером, ведающим в «Совете представителей еврейских общин Великобритании» международными «делами». Шиндлер знакомил их с вопросником, каким сионисты должны пользоваться при встречах с евреями в социалистических странах, а также с картотекой, где значатся имена интересующих сионизм советских граждан.

И в самой Англии «тридцатипятилетние» дамы тоже продолжают делать свое черное дело. В мае—июне 1979 года, когда десятки тысяч британцев восхищались экспонатами национальной выставки СССР в Лондоне, «комитет 35» внес немалую лепту в провокационные попытки отвлечь британцев от выставки, притушить ее несомненный успех.

Комитет отрядил группу фанатичных сионисток в «Эрлс корт», наиболее крупный выставочный зал английской столицы, где проходила выставка. Не для пикетирования, это слишком грубая работа, обстановка требовала более тонкой. Сионистки незаметно вливались в группы посетителей и, ссылаясь на «личные впечатления» от мифических поездок в Советский Союз, бросали ядовитые реплики о неправдоподобности экспозиции. Характерный для «комитета 35» штрих: всё, что несет англичанам правду о Советской стране, вызывает у его руководительниц звериную ненависть.

Вот вам и экзальтированные, чудаковатые дамы, как их кое-кто в Лондоне пытается представить в этакой добродушной, смешной окраске! Нет, они представляют собой организованное, не стесняющееся в выборе средств антисоветское звено, которое руководители международного сионизма неспроста ставят в пример сионисткам прочих западных стран.

ПОДЗАЩИТНЫЕ ГОСПОЖИ МЕНСОН

Справедливости ради должен сказать: в кафе «Парк-отель-гарден» я пил чай в обществе весьма и весьма рядовой «защитницы» советских евреев. Даже склонен поверить Памеле Менсон, что ей действительно незнакомы многие функции «движения». Тем симптоматичнее то, что я от нее услышал.

— Сегодня,— начала нашу беседу госпожа Менсон,— я в прекрасном настроении. Из Советского Союза выехал наконец в Израиль ваш известный драматург Кандель! Сколько мы за него боролись! И, как видите, наша поддержка помогла ему.

Мне пришлось сделать несколько существенных уточнений:

— Кандель не драматург. Не существует на свете театра, где шла бы его пьеса. Опубликованных пьес у него тоже нет. Потому и не входил он ни в одну из творческих организаций.

— Он работал не для театра, а для кино,— не сдавалась мисс Менсон.

— Вряд ли можно считать кинодраматургом человека, участвовавшего вместе с соавторами в работе над сценарием только одной мультипликационной миниатюры.

— Но я точно знаю,— в голосе актрисы послышались железные нотки,— Канделя не выпускали, чтобы не нанести брешь советскому кино.— Соня Гольдсмит так переводит эту фразу, что слово «брешь» с нескрываемым удовольствием произносит дважды. А госпожа Менсон продолжает: — У вас до последнего дня надеялись, что Кандель одумается и снова будет писать сценарии для ваших кинорежиссеров.

— Визу задерживали до истечения определенного срока, так как инженер Кандель работал на предприятии оборонного значения. Установленный срок миновал, и Канделю дали выездную визу. Скатертью дорога!

Убедившись, к своему удивлению, что я совершенно спокоен за судьбы советского киноискусства, безвозвратно потерявшего Канделя, мисс Памела перестает хмуриться и с подлинным артистическим мастерством мгновенно переключается на снисходительную улыбку:

— Не буду спорить. Если бы мы встретились на прошлой неделе, я бы спорила до хрипоты, так как абсолютно не верю вам. Но сегодня спор уже не нужен — талантливый драматург скоро прибудет в Израиль.

Покончив с драматургией, госпожа Менсон принимается за другие жанры литературы и искусства. Но предварительно делает такое предуведомление:

— Меня, человека из мира искусств, особенно волнует, конечно, судьба деятелей литературы и искусства, которых у вас преследуют. Вот и сейчас находится в заключении неслыханно талантливый поэт...

Полистав изящную записную книжечку, мисс Памела так и не находит нужной записи. На помощь приходит Соня Гольдсмит и подсказывает.

Услышав имя и фамилию нового светоча советской поэзии, я вначале почувствовал даже некоторую неловкость. Как же так, уже не первый десяток лет увлеченно вникаю я в нашу поэзию, стремлюсь не пропустить ни од-

ного нового явления, и вдруг — такой конфуз: мне совершенно неведом новый выдающийся поэт неслыханного таланта!

Дамы насмешливо смотрят на меня. Но я вспоминаю: о творчестве этой личности — только не поэтического толка, а чисто уголовного — я читал! Читал в газетном отчете о судебном процессе.

На поэтическом жанре мы, впрочем, долго не задерживаемся: Соня Гольдсмит, гордящаяся своим знанием современной советской поэзии, не может назвать мне ни одной книги, ни одной публикации, ни одного, наконец, стихотворения... своего любимого поэта.

Памела Менсон переходит к изобразительному искусству. Предварительно сверившись с записной книжечкой, несколько раз скандирует имя и фамилию притесняемого у нас живописца. И торжествующе глядит на меня: мол, каково?

О таком художнике я не слыхал, но это еще ровно ничего не значит: не столь уж большой я знаток живописи. Поэтому, вернувшись в Москву, тотчас же попытался навести справки о творчестве подзащитного мисс Памелы. Увы, ничего не смог узнать о его полотнах. Почему? За полным отсутствием таковых.

Наступил мой черед задавать вопросы.

Вспоминаю, что за несколько дней до нашего чаепития некоторые английские газеты мельком, как о малозначащем факте, рассказали о вопиющем надругательстве американских властей над британской подданной Листрой Донз.

Пять лет безуспешно добивается тридцатичетырехлетняя англичанка разрешения на въезд в США, чтобы встретиться с детьми и мужем. Представитель американского посольства в Лондоне отказался от каких бы то ни было объяснений по этому поводу. Не получила Листра Донз ответа и на свое письмо президенту США. «Вот если бы этой женщине,— заметил член британского парламента С. Пидуэлл,— отказали бы во въезде в Советский Союз, то газеты наверняка раздули бы этот случай до невероятных размеров».

— Согласны вы с оценкой парламентария? — спросил я Памелу Менсон.

— Но ведь Листра Донз вовсе не еврейка,— последовал уклончивый, но достаточно циничный ответ.— О чем же нам говорить!..

Я рассказал потом об этом одному из советологов радиостанции Би-би-си, которого трудно заподозрить в симпатиях к нашей стране.

— Неужели вы ожидали от мисс Менсон другого ответа? — усмехнулся он.— Я никогда не считал, что она и ее подруги выступают за права советских евреев — они выступают против советского строя. И охотно будут потрясать плакатами в защиту узбеков или азербайджанцев, но обязательно — граждан Советского Союза.

Что ж, впервые я искренне соглашаюсь с работником русской службы Би-би-си, порядочно поднаторевшим на антисоветских измышлениях по радио...

Я попросил госпожу Менсон подробнее ознакомить меня с деятельностью «комитета 35».

— Мне это трудно,— ответила она.— Только не думайте, ради бога, что я уклоняюсь от ответа. Сразу говорю вам: я горжусь работой комитета. Но дать вам подробный ответ смогут только наши настоящие руководительницы. Хотите, познакомлю вас с ними? Это можно сделать завтра же. Даже не за чаем, а за бокалом хорошего коктейля.— И, перейдя на игриво-фривольный тон, со смехом спросила: — Сколько наших дам вы хотите видеть? Двух или четырех? Блондинок или брюнеток? Тридцатипятилетних или другого возраста?

Мы договорились следующим образом: завтра утром я звоню мисс Памеле, и мы договариваемся о встрече с «настоящими руководительницами».

Встреча не состоялась. Не видел я больше и «актрисы».

Сионистский механизм сработал. Категорический запрет на контакты со мной дошел и до такого маленького шпунтика, как Памела Менсон, готовая протестовать против чего угодно и защищать кого угодно — только бы имелся приказ сионистской верхушки.

Продолжение следует.

ТИШИНА

Валентин СИДОРОВ

•

Голубые бабочки летают.
Лягушонок прячется в траву.
А над степью дымка золотая
Не во сне, мой друг, а наяву.

Волны, волны радостного света
Горизонт захлестывают весь.
С чем сравнится наслажденье это:
Видеть мир таким, каков он есть.

Тает в небе дымка золотая.
Тень скользит от облачка опять.
Лягушонок... Бабочки летают...
Боже мой, какая благодать!

•

Опять поздоровевший с мышами,
Являя недовольный вид,
Котенок с красными ушами
На палисаднике висит.

Сегодня он мрачнее тучи.
Его томит полдневный жар.
Меланхоличен и задумчив,
Глядит он вниз,
На тротуар,

Где мелом выведено четко
(Был кто-то на кого-то зол):
«Лариса — крыса и трещотка»
И рядом:
«Кинстинтин — осел».

•

...Но даже здесь, где в час урочный
Душа в покой погружена,
Увы, условна и непрочна
И ненадежна тишина.

Ревут, как некие торпеды,
В зеленых сумерках аллей
То мотоциклы, то мопеды,
Враги природы и людей.

Они проносятся сегодня,
Железный образуя вихрь,
И наказанием господним
Старушки называют их.

Им, как трещотка, эхо вторит,
Взрывая призрачный покой,
Всему живущему на горе
Над загазованной рекой...

•

Вновь пыльное облако гонят
Тяжелые грузовики.
А кони, гривастые кони,
Как мамонты, ныне редки.

А. АЛЕКСАНДРОВ-ВЕНЕЦКИЙ

ЦАРСТВО МУЗЫКИ

оворят, однажды Дмитрия Шостаковича спросили, какое из своих произведений он считает самым популярным. Он якобы ответил: «Романс в исполнении ансамбля скрипачей Большого театра».

Разумеется, это шутка, однако в ней, как во всякой шутке, есть доля серьезности. Действительно, «Романс» Д. Шостаковича из кинофильма «Овод» широко известен и любим именно благодаря исполнению ансамбля скрипачей Большого театра. Этот коллектив знают люди самого разного возраста, он одинаково желанный гость и в заводском цеху, и на импровизированной эстраде целинного совхоза, и на сцене Дома ученых. Ему рукоплещут многотысячные аудитории крупнейших концертных залов мира. Сейчас кажется, что этот уникальный коллектив существовал всегда,— так неразрывно связан он с лучшими достижениями нашей советской культуры. Между тем возник ансамбль сравнительно недавно. Это было в 1956 году, в феврале, когда в Москве проходил исторический XX съезд КПСС. Для участников съезда готовился торжественный концерт в Большом театре. Концертмейстеру оркестра Юлию Реентовичу предложили исполнить с группой скрипачей какой-нибудь номер. Реентович отобрал шестнадцать оркестрантов — скрипачей Большого театра. Почему шестнадцать? Как вспоминал позднее известный дирижер Большого театра Ю. Файер, «десять человек ему показалось мало, двадцать много, пятнадцать не годилось, так как был

К тому же они непрактичны.
Им скорости не по зубам.
Железные кони привычны.
А эти —
В диковинку нам.

И ежели невесть откуда
Телега, как гром, прогремит,
Не правда ли,
Кажется чудом
Нам дробная песня копыт?

И что-то нас всех поразило.
И взор умиляется наш:
Одной лошадиною силой
Обходится сей экипаж.

Одной —
Но стучит колесница,
Летит колесница,
И, строг,
На ней восседает возница,
Как ветхозаветный пророк.

●

Мне раньше часто говорили
(Теперь уже не говорят):
Тебе из множества фамилий
Не лучшая досталась, брат.

Коль разобраться в этом честно,
Тут постаралась жизнь сама,
Что так молвою повсеместно
Она обыграна весьма.

Не та фамилия, ей-богу.
Она находка для врагов.
С тобой равняться только могут
Один Петров да Иванов...

А я, взращенный русским полем,
Не мог понять их, хоть убей.
Я был доволен, был доволен
Всегда фамилией своей.

А я — признаться — горд отчасти,
Поскольку в час рожденья свой
Я как бы некой высшей властью
Повенчан с отчею землей
Фамилией.
И потому-то
Она превыше всех наград.
А коль не нравится кому-то,
То, право, я не виноват.

На месте критика иного
Я б, может, почитал за честь,
Что есть Петровы, Ивановы,
А также Сидоровы есть.

Фамильи эти непростые.
Они — гранит и монолит.
Как бы на трех китах, Россия
На тех фамилиях стоит.

Душа от них неотделима.
И счастлив я как никогда,
Что бог хранил от псевдонима...
Сейчас бы умер со стыда.

●

Стрекочет ласточка, стрекочет
Почти у самого лица.
Она сказать мне что-то хочет,
Взмывая в небо у крыльца.

Быть может, ей кого-то должно
Предостеречь на склоне дня,—
Недаром так неосторожно
Крылом касается меня.

В глухом колодце небосклона
Призывный затихает клич,
Который я во время оно
Не смог, не захотел постичь.

А ведь близки, доступны были
Глаголы птиц, зверей и нив...
Учись тому, что позабыли.
Не научился. Был ленив.

Теперь одно осталось: слушать,
Когда свободен от забот,
Да лишь надеяться, что в душу
Намек какой-то западет...

●

Ощущенье вины перед всеми —
Никогда, никогда, никогда
Так пронзительно грустно доселе
Не кричали еще поезда.
Ощущенье вины перед всеми —
Не минутною вспышкой, не
вдруг —
Нет, все время, все время, все
время
Скорбной тяжестью давит мой
дух.

Ощущенье вины перед всеми —
Почему, почему, почему
Не проходит, увы, опасенье:
Мне за все отвечать одному?

Ощущенье вины перед всеми —
Как, скажите, вину искупить?
Может, в этом лишь наше
спасенье.
— Может быть, может быть,
может быть...

●

Слова, слова
Перерастают в Слово,
Когда несут
Пророчество и весть.
И слух,
И взгляд твой
Различают снова:
Жизнь жизней начинается вот
здесь.

А Слово —
Страж далекого предела,
Завет развернут четкий перед
ним:

Невидимое
Видимым соделать,
Безмолвное соделать
Громовым.

●

Предсмертные вспыхнут зарницы,
Которые нам не видны,
И с нами навеки простится
Последний участник войны.

Охвачены скорбью и грустью,
В угрюмой и стылой дали
Мы гроб деревянный опустим
В холодное лоно земли.
Но знаю — не будет, не будет
Потрясшего весь небосклон
Прощального залпа орудий
И траурных всплесков знамен.

В тумане седом и прогорклом
Неведомо будет для нас,
Кого на безвестном пригорке
Мы с вами хороним сейчас.

Тот холмик весенней порою
Покроется дикой травой,
И мы не узнаем с тобою,
И мы не увидим с тобой,

Что светом тревожным и строгим
Полна устремленная высь,
Что все фронтовые дороги
На холмике этом сошлись,

Что в синюю изморось круто
Взметнувши торжественный дым,
Победное пламя салюта
Сто раз полыхнуло над ним.

СТРАННИК ВСЕЛЕННОЙ

(индийские мотивы)

Странник Вселенной идет по
земле,
Меряет взором земные истоки.
Знает ли он непреложные сроки?
Что он нам хочет сказать о себе?

Поступь его не слышна, как
всегда.
Где он? Он слился с небесным
покровом.
Можно ль его потревожить мне
зовом
В час, когда вспыхнет ночная
звезда?

Вот его тень на отвесной скале.
Вот его след в раскаленной
пустыне.
Можно ль к нему мне
приблизиться ныне?
Или же это нельзя на земле?

еще и он сам, который должен стоять ровно в центре полукруга артистов. А шестнадцать — по восемь человек справа и слева и семнадцатый в середине, руководитель,— это то, что надо».

Выбранный однажды состав исполнителей сохранился и по сей день — все те артисты, которые впервые выступили вместе, с блеском исполнив виртуозную пьесу Паганини «Вечное движение».

Несмотря на успех дебюта, первые шаги коллектива не были легкими. Если сегодня репертуара ансамбля хватило бы на несколько концертных программ, то тогда его не было совсем. Ведь для подобного инструментального состава никто не писал. Нужно было не только создать репертуар, но и определить для себя сам принцип отбора произведений. Будут ли это сочинения только для скрипки, следует ли отдать предпочтение концертно-виртуозным пьесам? Курс был выбран раз и навсегда: произведение отбиралось прежде всего по своим художественным достоинствам. Сегодня в программах ансамбля звучат такие музыкальные шедевры классического и современного репертуара, как «Пассакалия» Генделя, «Двойной концерт» Баха, «Павана» Равеля, «Вальс» из оперы Прокофьева «Война и мир», «Танец с саблями» из балета Хачатуряна «Гаянэ» и другие. Ряд произведений написан советскими композиторами специально для ансамбля скрипачей, например, «Русский праздник» М. Чулаки, «Камерная сюита» Р. Щедрина.

Сейчас это трудно себе представить, но в начале творческого пути у ансамбля были и противники, считавшие бессмысленной саму идею такого рода музицирования. Однако смелое начинание поддержали крупнейшие музыкальные авторитеты страны. Д. Шостакович с проницательностью большого художника писал тогда: «Первые выступления ансамбля скрипачей убеждают нас в том, что будущее этого коллектива прекрасно и он займет видное место в строительстве советской музыкальной культуры».

Тот, кто хоть однажды слышал игру ансамбля скрипачей Большого театра, наверное, никогда не забудет первые минуты их выступления—первый момент звучания. Его трудно передать словами. Красивый, сочный, теплый унисон семнадцати скрипок, подобно упругой, обволакивающей волне, подхватывает вас... Звук объемен, почти пластически осязаем. Слитность инструментов поразительная. При этом одновременность их звучания не подавляет даже в моменты самых ярких кульминаций. А какое изумительное, изысканное пиано! Ну и, конечно, полная ритмическая синхронность, которая кажется просто невероятной в виртуозных пьесах. Будто играет один человек. Нельзя не сказать и о том, что все до единого произведения исполняются наизусть, без нот.

Фото И. Тункеля

Непостижимое мастерство! Особенно если учесть, что участники ансамбля готовят концертные программы как бы между делом. Ведь они все, артисты оркестра Большого театра, постоянно заняты в спектаклях и без всяких скидок выполняют свою работу. Какая же нужна самоотверженность, истинно подвижническая любовь к искусству!

Москвичи, спешащие домой поздним вечером, проходя мимо Большого театра, могли бы заметить, что в «отдыхающем» после спектакля здании притушены все огни и светится лишь несколько окон вверху между колоннами.

Это в Бетховенском зале Большого театра занимаются артисты ансамбля скрипачей. Они собираются вместе в любую свободную минуту, до репетиций и после, и в выходные дни оттачивают они до ювелирного совершенства каждую фразу, каждый пассаж... Говоря об ансамбле, нельзя не упомянуть и восемнадцатого его участника — пианистку Ирину Зайцеву. Вот уже многие годы ее артистическая судьба связана с прославленными скрипачами, и она по праву делит с ними успех.

Формы творческой деятельности коллектива разнообразны. Прежде всего это, конечно, концерты, в которых часто принимают участие солисты. С ансамблем выступают такие мастера, как арфистка Вера Дулова, солистки оперы Ирина Архипова, Мария Биешу, Галина Олейниченко, Бэла Руденко.

Ансамбль записывается на грампластинки, радио и телевидении. Значительное место в работе коллектива занимает кинематограф — озвучивание кинолент. Наконец, ансамбль ведет огромную шефскую работу в колхозах и совхозах Московской области, в частях Советской Армии.

Трудно описать географию гастролей коллектива. Автор этих строк попытался подсчитать все города, большие и малые населенные пункты нашей страны, где выступал ансамбль, и вынужден был бросить этот непосильный труд. Наверное, проще выяснить, где ансамбль еще не был.

Столь же многочисленны и зарубежные маршруты прославленных скрипачей. Их гастроли проходили во всех европейских социалистических странах, во Франции, ФРГ, Австрии, Канаде, Японии... И везде единодушный восторженный прием. Достаточно сказать, что в таких знаменитых концертных залах, как «Карнеги-холл» в Нью-Йорке и «Фестивал-холл» в Лондоне, зрители стоя приветствовали советских артистов.

В музее Большого театра хранится огромных размеров альбом, в котором собраны отклики прессы на выступления ансамбля. Здесь их, наверное, тысячи. То и дело мелькают такие заголовки: «Чародеи», «Волшебники» и даже «Чемпионы смычка». Все отклики не просто похвальные, а именно восторженные. Причем исходят они в равной степени и из уст простых любителей и из уст музыкальных корифеев. Вот что пишет, например, студентка из Томска: «Я в первый раз слушала выступление скрипачей Большого театра непосредственно в концертном зале. Наш маленький зал областной филармонии стал царством музыки. А для нее не было преград. Она пробивалась в каждое сердце, и, казалось, не было здесь человека, не пережившего муки и радости открытия несравненных мелодий».

А это говорит всемирно известный французский дирижер Игорь Маркевич: «Какой замечательный ансамбль, какое единство, какая дисциплина, какое вдохновение! Я получил огромное удовлетворение!»

В среде музыкантов, да и не только музыкантов, их часто называют ансамблем Реентовича. И не случайно, ибо трудно переоценить роль, которую сыграл в судьбе коллектива его организатор и бессменный руководитель.

Выходец из семьи потомственных музыкантов, Юлий Реентович был принят в оркестр Большого театра, еще не достигнув совершеннолетия, и прошел путь, как говорится, от «рядового» до «генерала» — вот уже на протяжении многих лет он концертмейстер оркестра. Талант и мастерство Юлия Реентовича — скрипача-солиста и концертмейстера — дирижеры ценят исключительно высоко. Прославленный советский дирижер Евгений Светланов назвал Реентовича «выдающимся музыкантом с мировым именем», а его работу в оркестре Большого театра — «эталоном высочайшей культуры, профессионализма, ответственности и подвижничества, без которых невозможно представить себе подлинный уровень работы концертмейстера Большого театра».

В богатой событиями биографии артиста много интересных страниц, но одна из них особенно дорога ему.

В первых числах мая 1945 года концертная бригада, в которой был и Юлий Реентович, вместе с советскими войсками вошла в поверженный Берлин. Артисты были здесь первыми советскими штатскими людьми. В здании рейхстага они дали концерт для воинов, штурмовавших фашистскую цитадель. В память об этом событии у музыканта хранятся серебряные часы. На крышке надпись: «Артисту Ю. Реентовичу в память первого концерта советских артистов в рейхстаге. Комендант рейхстага полковник Ф. Зинченко. 5.05.1945».

Сегодня Юлий Реентович, оставаясь на посту концертмейстера, является одновременно музыкальным консультантом оркестра Большого театра — наставником творческой молодежи...

Ансамбль скрипачей Большого театра накануне своего 25-летия. Четверть века — это уже стаж, но искусство коллектива по-прежнему пленяет артистической молодостью, свежестью, новизной.

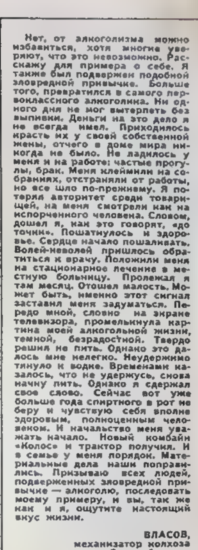
— Наше творчество,— говорит народный артист РСФСР Юлий Маркович Реентович,— неразрывно связано с искусством Большого театра. И в то же время путь коллектива — это как бы еще одна, параллельно прожитая творческая жизнь со своей богатой биографией. Мне радостно сознавать, что дело, которому ансамбль служил все эти годы и служит сегодня, принесло свои благодатные плоды. О нашем ансамбле говорили, что мы породили «стахановское движение в музыке». И действительно, сейчас уже трудно перечислить все существующие ансамбли скрипачей — профессиональные и самодеятельные. Создание таких коллективов, например, для артистов оркестра, мне кажется исключительно важным. Ведь оркестрант чувствует себя здесь солистом, необычайно вырастает его требовательность к себе, его исполнительская культура и мастерство.

И еще одну важную миссию старается выполнять наш ансамбль. Я бы назвал ее культурно-воспитательной. В нашем музыкальном быту еще много сорной травы. Наша задача — обращать внимание слушателя, особенно молодого, на подлинные художественные ценности.

Если говорить о перспективах, то коллектив всегда в творческом поиске. Мы сейчас пробуем привлекать к работе молодое поколение артистов Большого театра. Это талантливые солистки оперы Галина Калинина, Ирина Журина, Елена Школьникова, Людмила Нам, Нина Терентьева. Кроме того, наш ансамбль постоянно обновляет свой репертуар, и прежде всего в сфере современной советской музыки.

Когда живешь в напряженной творческой работе, не чувствуешь времени, ибо творчество — это молодость, радость, бодрость духа. И поэтому каждое выступление для нас — премьера!

Нет, от алкоголизма можно избавиться, хотя многие уверяют, что это невозможно. Расскажу для примера о себе. Я также был подвержен подобной зловредной привычке. Больше того, превратился в самого первоклассного алкоголика. Ни одного дня не мог вытерпеть без выпивки. Деньги на это дело я не всегда имел. Приходилось красть их у своей собственной жены, отчего в доме мира никогда не было. Не ладилось у меня и на работе: частые прогулы, брак. Меня клеймили на собраниях, отстраняли от работы, но все шло по-прежнему. Я потерял авторитет среди товарищей, на меня смотрели как на испорченного человека. Словом, дошел я, как это говорят, «до точки». Пошатнулось и здоровье. Сердце начало пошаливать. Волей-неволей пришлось обратиться к врачу. Положили меня на стационарное лечение в местную больницу. Пролежал я там месяц. Отошел малость. Может быть, именно этот сигнал заставил меня задуматься. Передо мной, словно на экране телевизора, промелькнула картина моей алкогольной жизни, темной, безрадостной. Твердо решил не пить. Однако это далось мне нелегко. Неудержимо тянуло к водке. Временами казалось, что не удержусь, снова начну пить. Однако я сдержал свое слово. Сейчас вот уже больше года спиртного в рот не беру и чувствую себя вполне здоровым, полноценным человеком. И начальство меня уважать начало. Новый комбайн «Колос» и трактор получил. И в семье у меня порядок. Материальные дела наши поправились. Призываю всех людей, подверженных зловредной привычке — алкоголю, последовать моему примеру, и вы, так же как и я, ощутите настоящий вкус жизни.

ВЛАСОВ,
механизатор колхоза
«Светлый путь»
Гомельская обл.

На страницах нашей печати часто вижу материалы, призывающие нерадивых работников рачительнее относиться к народному добру, экономить электроэнергию, тепловые ресурсы. Это очень правильно. Но ведь и экономить надо разумно, не забывая о людях. В связи с этим хочу рассказать о работе треста «Водоканал» города Чирчика Ташкентской области. У нас очень «экономные» хозяева воды и света. Город расположен в горной местности, поэтому подача воды связана с потреблением электроэнергии. И жители микрорайона № 4 ежедневно ощущают неустанную заботу руководителей городского хозяйства об «экономии» электроэнергии и расхода воды.

Вода (не только горячая, но и холодная) подается с большими перебоями. Если бы хотя был четкий график отключения водоснабжения! Например, с 1 января 1980 года воду отключают от 6 до 10 часов утра, потом еще на один час от 12—13-ти. В 14.00 опять воду отключают до 18 часов. А в 23.00 отключают до 6.00. Это удобно тем, кто не работает. А если в семье все работают, да еще в 2—3 смены? Неоднократно обращались в трест «Водоканал», но нам отвечают, что все идет по графику. О каком графике идет речь и почему не пересмотрена оплата за водоснабжение? Ведь мы ежемесячно из года в год оплачиваем услуги за холодную и горячую воду, как если бы вода подавалась в дома 24 часа в сутки круглый год!

Не пора ли остановить столь энергичных сторонников «экономии»?

Н. ДЕРГУНОВА,
ст. инженер-нормировщик
литейного цеха завода
«Чирчиксельмаш»

В № 49 «Огонька» в разделе почта «Огонька» прочитала письмо тов. Данилина из Днепродзержинска. Прочитала и подумала, что в этом городе дела обстоят не так уж плохо.

Вы лучше в Загорск к нам приезжайте. Увидите город Золотого кольца во всем великолепии. Но если будете ХОРОШО смотреть, обнаружите еще кое-что. А пока я буду вам гидом.

Начнем с вокзальной площади. На ней два кафе, один подвальчик-бар и две пивные. В кафе продают вино в розлив, ну, а буфеты рядом с кафе торгуют пивом.

Предприимчивые люди из разряда «на троих» бегут в расположенный рядом магазин, покупают водку, и пиво идет «прицепом» к водке. В результате на площади слоняются пьяные, сквернословят, пристают к прохожим и пугают их своим видом. Правда, хорошая картина для города?

Ну, вы скажете, что не все туристы приезжают поездом, так что не все видят это безобразие.

Не торопитесь!

Пусть вы приедете машиной (автобусом, такси — все равно). И на площади, где останавливаются туристские автобусы, к вашим услугам два магазина, торгующих вином, и несколько павильончиков от ресторанов и столовых, в которых опять же продают вино в розлив.

Выходят туристы, интуристы из автобуса, а им под ноги из палатки после очередных «граммов» вываливается этакое опухшее «чудо», не то человек, не то чучело, еле языком ворочает, а сквернословит, не заикаясь. Ну, а если учесть, что павильончик не один, а несколько, то эффект вам, надеюсь, понятен.

Об окнах сатиры говорить нечего. У нас их нигде нет, ни в центре, ни в других местах. Мы о них забыли.

Летом, когда особенно много туристов, по площади снуют люди сомнительного вида, и юнцы с голыми животами и рубашками, завязанными узлом на груди, и, самое страшное, ребята по 10—12 лет, которые видят все это безобразие.

К сожалению, и общественность и милиция еще плохо борются с подобными явлениями, позорящими наш прекрасный город. А пока приглашаем, приезжайте, посмотрите — очень вам будет весело.

С уважением

О. АНДРЕЕВА,
пенсионерка

Загорск.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

солнечные часы

Эти часы, работающие на солнечной энергии, выпущены одной американской фирмой. Ночью они приводятся в движение вмонтированным в корпус аккумулятором, подзаряжающимся в дневное время от солнечных лучей.

ледяные изваяния

Снег и лед были единственным материалом для работы, «предоставленным» участникам этого конкурса в Швейцарии, который проводится здесь уже в четвертый раз. Девиз соревнования скульпторов — «Карнавал на снегу».

опасное ремесло

Ни один народный праздник в Индии не обходится без знаменитого «танца кобры», поединка мангусты с очковой змеей, без демонстрации искусства укрощения ядовитых пресмыкающихся.

холода не страшны

Большой любитель природы, японец Кумахиса проводит опыты по акклиматизации львов и других африканских животных в префектуре Фукусима. Если опыты по приучению львов к зимним холодам дадут положительные результаты, то в префектуре будет открыт так называемый «сафари-парк», где животные находятся на свободе, а посетители ездят на автомобилях и автобусах по строго обозначенным маршрутам.

лягушка — чемпион

Тараканьи бега, петушиные бои, скачки на свиньях — каких только соревнований не устраивают в странах Запада! Так, в одном из населенных пунктов американского штата Калифорния недавно завершилось ежегодное состязание прыгающих лягушек. Эта серебряная призерка «чемпионата» по кличке Санта Мария Голд прыгнула в длину почти на 5 с половиной метров.

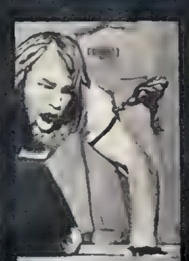

Рисунок В. Воеводина

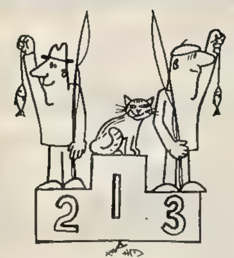

Рисунок А. Былинкина

Владимир КУЗНЕЦОВ

фразы

Где наше не пропадало, там искать нечего.

Материя не исчезает бесследно,— ее заблаговременно списывают.

Не откладывай на завтра то, что можно выбросить сегодня.

Чтобы уйти с головой в работу, надо иметь голову.

Нет предела человеческой глупости, так как мысль остановить нельзя.

Если вас по ночам мучает совесть,— спите днем.

СЧАСТЬЕ

Советские биатлонисты, завоевавшие золотые медали в эстафете 4×7,5 километра, В. Аликин, А. Алябьев, В. Барнашов и А. Тихонов после победной гонки.

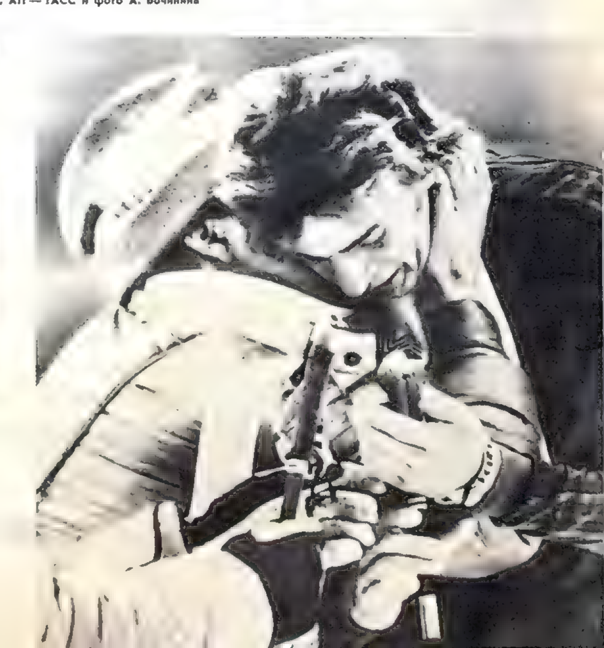

Чемпионка Олимпийских игр фигуристка из ГДР Анетт Пётч.

Телефото А. Яковлева (ТАСС), АП — ТАСС и фото А. Бочинина

Пять золотых чемпионских медалей выиграл в Лейк-Плэсиде конькобежец Эрик Хайден (США).

После гонки на 50 километров советский лыжник Николай Зимятов получил третью свою высшую олимпийскую награду.

СПОРТИВНОЙ БОРЬБЫ

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Вот и пришло время прощаться с XIII Белой Олимпиадой. Сколько искрящихся неожиданностей, великолепных побед, взлетов подарили нам лыжники, хоккеисты, скороходы, фигуристы, горнолыжники, биатлонисты за промелькнувшие двенадцать дней! И среди героев множества ярких событий, украсивших Олимпиаду, немало наших спортсменов. В те дни, когда вашингтонские политики не жалели усилий, чтобы склонить мир к бойкоту Московской Олимпиады, спортсмены СССР вносили свой большой вклад в успех Олимпиады, проходящей на американской земле.

Да, в том, что XIII Белая Олимпиада удалась, значительная заслуга советской команды. Об этом убедительно говорят золотые медали, которые она увозит домой. Их, как известно, десять, а вместе с серебряными и бронзовыми — двадцать две.

И вот еще примечательный факт: главная борьба за призовые места в основных видах спорта происходила между спортсменами двух социалистических стран — СССР и ГДР. Это соперничество во многом определило успех Игр, придав соревнованиям поистине олимпийский блеск. Атлеты ГДР завоевали 9 золотых, 7 серебряных и 7 бронзовых медалей.

По подсчетам специалистов телекомпании Эй-Би-Си, репортажи о событиях в Лейк-Плэсиде смотрели более 900 миллионов зрителей во всем мире. И мало кто из этих «заочных» свидетелей представлял, как трудно было увидеть те же события не на экране, а непосредственно здесь, на Олимпиаде! Многое уже говорилось и писалось о том, что добираться до места соревнований вовремя удавалось далеко не каждому. А с каким напряжением приходилось работать в эти дни пишущим и снимающим! Поэтому я хочу, хотя бы вкратце, описать жизнь трехэтажного дома, стоящего в самом центре Лейк-Плэсида, рядом с ледовым стадионом и ледяным овалом искусственного катка.

От обширного подвала, где находились рабочие столы журналистов, до помещений телеграфных агентств, разместившихся под самой крышей, эта детская школа, превращенная в пресс-центр, была завалена использованными стаканчиками из-под кока-колы, рекламами и проспектами, итоговыми протоколами. Перестук машинок и телетайпов не утихал круглые сутки. Единственное тихое место — телефонная кабина, но и здесь тоже место работы. Продиктовав в свою редакцию очередное сообщение, репортер спешит вниз, в подвал, где в школьном спортивном зале в двадцать рядов расставлены столы, а по всем стенам — телевизоры. За столами плечом к плечу сидят за пишущими машинками представители всех газет земного шара. Правда, на всех языках машинки стучат одинаково... И еще объединяют сборище спортивных летописцев финишные протоколы на специальной стойке в центре зала. Без этих беленьких листочков с колонками фамилий и цифр не мог бы работать весь огромный, неутомимый зал пресс-центра.

Современная Олимпиада похожа на сани, несущиеся вниз по ледяному желобу все быстрее и быстрее. Невозможно ни остановить эти сани, ни затормозить их движение (вот этого-то, кстати, и не учли инициаторы бойкота нашей Московской Олимпиады!). Можно только на лету подхватывать стремительно взрывающиеся события. А высшего своего накала события достигли в то совершенно весеннее утро, когда в пресс-центр начали поступать сообщения с этапов мужской лыжной эстафеты.

«Лыжные страсти» начались в Лейк-Плэсиде гонкой на 30 километров, в которой скандинавские гонщики не попали в число призеров. Еще большую остроту добавила вторая гонка — на 15 километров, в которой, казалось бы, скандинавы сумели все расставить по своим местам: швед Томас Вассберг занял на пьедестале почета центральное место в окружении финна Юхи Мието и норвежца Уве Аунли. А тут и женская гонка на 10 километров, и снова все прогнозы летят кувырком: советские гонщицы всего второй раз за все участие в белых Олимпиадах остались без призовых мест! Что же принесет новый старт на лыжне?

Мы понимали, что нашим лыжникам будет очень трудно спорить со шведскими и финскими спринтерами после их удачных выступлений в гонке на 15 километров. Да и норвежцы показали большую силу. А если заглядывать в прошлое, то только дважды на белых Олимпиадах советским лыжникам удавалось побеждать в эстафетных гонках. Но... Вот тут-то и сказалась волевая мощь нашей команды, оправдался расчет тренеров.

Несокрушимому бойцу Василию Рочеву, семикратному чемпиону СССР в эстафетной гонке, серебряному призеру в эстафете на чемпионате мира 1974 года, была доверена борьба на первом этапе. Рочев, по замыслу, должен был обеспечить солидный отрыв от соперников. А он... упал сразу после старта, все это видели на телеэкранах,— досадная оплошность вмешалась в расчеты! Со стадиона Рочев ушел последним. В такой безнадежной ситуации, казалось бы, уже ничего не поделаешь: впереди — девять сильнейших спринтеров мира! А Василий Рочев сделал то, что казалось уже невероятным. Он повторил спортивный подвиг Вячеслава Веденина в Саппоро. Там Веденин, выступая на четвертом этапе, ушел, проигрывая норвежцу больше минуты, потом догнал своего соперника и финишировал, обойдя его на десять секунд. Рочев обогнал всех, «достал» лидера первого этапа — норвежца Эриксена — и выиграл у него 24 секунды!

Это была первая сенсация гонки. А вторая, не меньшая, заключалась в том, что финский лыжник на первом этапе пришел восьмым, а шведский — девятым. Случай почти из ряда вон выходящий, связанный, конечно, с просчетом в смазке лыж, чего у скандинавов, как правило, никогда не бывает.

Второй этап. Бажуков ведет гонку, но расстояние между ним и норвежцем Оландом тает с каждой минутой. Мы видим, как наш Евгений Беляев и норвежец Уве Аунли волнуются у выхода на старт, не зная, кого из них первым выпустит на лыжню финиширующий товарищ...

Первым вызывают на старт норвежца. Бажуков не только отдал отвоеванные Рочевым 24 секунды, но и проиграл столько же. Уходит на дистанцию Аунли. Он еще не исчез за поворотом, когда стартовал и Беляев. Отыграться можно! Беляев, устремившись вперед гигантскими шагами, тут же это доказывает. Мы успеваем увидеть, как он почти догоняет норвежца, а затем — мы узнали об этом чуть позже — на первых же двух подъемах обошел его. Вот когда пришел звездный час нашего яркого, богато одаренного гонщика! Огромный его рост — 1 метр 88 сантиметров и вес — 90 килограммов — казалось бы, всегда мешали ему побеждать. Он никак не мог ухватить свою золотую птицу за хвост. На крупных международных соревнованиях Беляев чаще всего был вторым или третьим, ни разу — первым. Даже здесь, в Лейк-Плэсиде, две гонки не принесли ему успеха. А эстафета сделала его героем. Евгений Беляев финишировал первым, опередив норвежца почти на минуту! Зимятов ушел на заключительный этап «с запасом», стартовавший вслед за ним норвежский гонщик — и какой гонщик, сам Оддвар Бро! — ничего не мог сделать... Когда Бро появился на финише, товарищи Зимятова по эстафете успели уже расцеловать Николая, покачать, а затем и сфотографироваться вместе.

Ну, а что же могут сделать наши вечные соперники? Финн Юха Мието после невероятных усилий, показав личный лучший результат, выдвинул свою команду на третье место. Шведы остались пятыми.

Когда мы вернулись с эстафеты в пресс-центр, горячка там уже улеглась. И только полицейские штата Нью-Йорк, в широкополых шляпах, в патронташах, с пистолетами на бедрах, встретили нас поздравлениями, высоко поднимая

Олимпийские чемпионы в эстафете 4 × 10 километров.
Слева направо: В. Рочев, Н. Бажуков, Е. Беляев и Н. Зимятов.

вверх большие пальцы, а знакомый финский журналист спросил:

— Верно ли, что Бажуков на финише потерял сознание?

— Нет, он упал, потому что отдал дистанции все силы; потеплело, его лыжи стали проскальзывать.

А Олимпиада на полной скорости катилась к своему финишу. И новые шквалы событий сотрясали пресс-центр...

Так уж получается, что я в этом репортаже пока говорю только о лыжных гонках. Потому что невозможно, вспомнив о блестящем успехе Зимятова на дистанции 30 километров и о счастливом финише эстафеты, обойти вниманием триумф Николая в пятидесятикилометровой гонке. Никогда ранее на Играх в лыжном марафоне наши спортсмены не добивались такого успеха, и приди дебютант олимпийской команды к финишу даже, предположим, четвертым — никто бы и слова упрека ему не сказал. А он выиграл, да еще как! С первых же километров развил такую скорость, что не оставил соперникам практически никакой надежды. С ходу брал крутые подъемы, все больше наращивая отрыв. И финишировал, как спринтер, своим размашистым упругим шагом, и по этому ставшему знаменитым «почерку» Зимятова узнавал любой зритель. Чемпион! «Король лыж», как называют сами спортсмены победителей на дистанциях в 30 и 50 километров. В мировой истории лыж таких «королей» было трое, теперь четвертый — молодой парень из подмосковного Красногорска.

А наши биатлонисты? Честно говоря, все мы ждали их побед, и золотая медаль Анатолия Алябьева на дистанции 20 километров, «серебро» Владимира Аликина и «бронза» того же Алябьева на дистанции 10 километров были их закономерными, совпавшими со многими прогнозами результатами. Но как те же наши «стреляющие лыжники» блеснули в коллективном состязании — в командной эстафете, где мастерство и мужество каждого сливаются в сплав общей победы! Наверное, никогда еще не было такой ровной, такой мощной четверки биатлонистов, как эта: ветеран спорта Александр Тихонов, внушавший спокойную уверенность всей команде, быстрейший советский биатлонист Владимир Аликин, надежный, невозмутимый снайпер Владимир Барнашов и Анатолий Алябьев, второй раз за эти дни утвердивший себя в звании олимпийского чемпиона. Уж кого-кого, а этих бойцов не мог смутить «несчастливый» тринадцатый номер, доставшийся по жребию нашей команде.

Не верили никаким мрачным прогнозам наши фигуристы — танцоры Наталья Линичук и Геннадий Карпоносов, завоевавшие свою золотую медаль в невероятно сложной обстановке. А легко ли далась «бронза» Ирине Моисеевой и Андрею Миненкову? Впрочем, «простых» медалей на Олимпиадах просто не бывает. Да и не только о призерах следовало бы писать. Молодой двоеборец Федор Колчин — сын прославленных гонщиков Алевтины и Павла Колчиных — впервые выступил на Олимпиаде, не смог показать высокого результата в прыжке, но в гонке был третьим, а это много стоит. Молодой горнолыжник Валерий Цыганов мог рассчитывать на очень высокий результат, но подвели нервы — упал на второй попытке у самого финиша. Какая досада, как жаль, что заметные успехи последних лет наших горнолыжников не смогли утвердиться призами этой Олимпиады.

...Конечно, надо стремиться к тому, чтобы иметь национальную команду, сильную во всех своих звеньях. Пока этого не удается ни одной стране. И ближе всего к такому идеалу находятся две команды — наша и спортсменов ГДР.

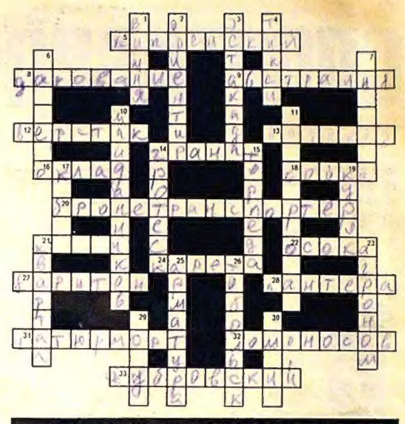
Спортсмены ГДР прекрасно выступили в Лейк-Плэсиде, показали высокие результаты в женских лыжных гонках, в биатлоне, в санном спорте, в двоеборье, на коньках, в фигурном катании. Теперь и у советских спортсменов есть чему у них поучиться, а ведь было время, когда они старательно учились у нас...

Так живи и радуй нас дальше, Олимпиада, дари радость дружбы, счастье мирных спортивных побед!

Лейк-Плэсид,
по телефону.

Лейк-Плэсид. Торжественное закрытие XIII Белой Олимпиады.
Телефото ТАСС

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский художник-портретист XIX века. 8. Способность, талант. 9. Материк. 12. Специальный стол для столярной, слесарной работы. 13. Естественное химическое соединение в составе земной коры. 14. Южное плодовое дерево. 16. Размер заработной платы. 18. Птица. 20. Боевая машина. 21. Порода собак. 22. Многолетняя болотная трава. 24. Закрытый конный экипаж. 27. Мужской голос. 28. Хищник, обитающий в Африке и Южной Азии. 31. Картина с изображением цветов, фруктов. 32. Великий русский ученый и поэт. 33. Повесть А. С. Пушкина.

По вертикали: 1. Украинский советский писатель-сатирик. 2. Предмет, помогающий определять направление движения. 3. Сооружение в виде помоста. 4. Бухта моря Лаптевых. 6. Электрический генератор в двигателе внутреннего сгорания. 7. Вид изобразительного искусства. 10. Персонаж романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 11. Клавишный музыкальный инструмент. 14. Прием в художественной литературе. 15. Самодвижущийся снаряд. 17. Река в Монголии. 19. Часть ударного механизма в огнестрельном оружии. 21. Четверть года. 23. Специалист в сельском хозяйстве. 25. Каркас железобетонных строений. 26. Город в Тюменской области. 29. Один из истоков Хатанги. 30. Стиль в архитектуре, декоративном искусстве.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали: 2. Клавикорд. 6. Велюр. 7. Фаза. 8. Агат. 11. Букава. 12. Окорок. 14. Куинджи. 16. Рига. 18. Кадр. 20. Парабола. 21. Автограф. 22. Оран. 24. Юрта. 25. Вискоза. 27. Аншлаг. 29. Громов. 30. Бриз. 32. Пила. 33. Озеро. 34. Княженика.

По вертикали: 1. Биллитон. 2. Кираса. 3. Айва. 4. Охра. 5. «Динамо». 9. Фатя. 10. Полк. 11. Баркарола. 13. Кербабаев. 14. Качалов. 15. Иоканга. 17. Глава. 19. Ангар. 23. Наль. 24. Юмор. 26. Конвейер. 28. Горчак. 29. Галета. 31. Золя. 32. Пони.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: 22 февраля 1980 года. Кремлевский Дворец съездов. Встреча избирателей Бауманского избирательного округа столицы с кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР товарищем Л. И. Брежневым.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва.

Фото Дм. Бальтерманца

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 285-79-64. Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-68; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 11.02.80. Подписано к печати 27.02.80. А 00325. Формат 70 × 108¼. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 524. Заказ № 1920.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Бьют рекорды...

«Нормализация» на Ближнем Востоке.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки народного художника СССР Бор. ЕФИМОВА

«Выкручивание рук».

На олимпийской трассе.

